

*В.П. Казаков*¹
V.P. Kazakov

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АРГЕНТИНЕ

(В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.)

THE SOCIALIST MOVEMENT IN ARGENTINA

(AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE
XX CENTURIES)

Аннотация: В статье рассматривается возникновение социалистической партии: ее истоки, развитие в период олигархического режима и деятельности в годы демократии. Особое внимание уделяется теории и стратегии; пропаганде социалистической партии как либеральной модернизации, так и социалистических преобразований; роли лидера партии Х.Б. Хусто, который выступал за парламентский путь к социализму. Большой интерес представляет изучение связей и влияния социалистической партии в рабочем движении, особенно в свете ее соперничества с анархистами и синдикалистами; ее требование аграрной реформы путем ликвидации латифундизма. Идеино политические аспекты социалистического движения рассматриваются в контексте социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: социалистическая партия, Х.Б. Хусто, анархизм, синдикализм, марксизм, аграрный вопрос, эволюция, реформа.

Abstract: This article examines the formation of the Socialist party of Argentina: its origins, its expansion during oligarchical governments and participation in an era of democratic rule. Special

---

¹ *Владимир Петрович Казаков* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

attention is paid to the theory and strategy that flowed from it; the party's advocacy of both the modernization (in liberal terms) and transformation (in Socialist terms) of the country; the role of the party's leader Juan B. Justo, who championed a parliamentary road to socialism. Of major concern have been the party's contacts and influence with organized labour particularly in the light of Socialist competition with anarchists and syndicalists for the political allegiance of the working class; its demand for agrarian reform by liquidation of large land holding (latifundia). Although this study is basically a political and ideological it includes material on social and economic development in the republic.

Keywords: socialist party, Justo, anarchism, syndicalism, marxism, agrarian problem, evolution, reform.

Восторжествовавший после войны за независимость тип капиталистической эволюции обусловил особенности развития промышленности, которая являлась дополнением агроэкспортной экономики и концентрировалась прежде всего в Буэнос-Айресе и других прибрежных городах. По переписи 1853 г. в Буэнос-Айресе насчитывалось 746 мастерских, 206 «фабрик». На всех «фабриках» было занято около 2 тыс работников². Эти «фабрики» объединяло то, что все они, в отличие от мастерской ремесленника, в которой работали сам хозяин и ученики, были местом коллективного труда, где несколько человек трудились под руководством хозяина и для него. На «фабриках» существовала эксплуатация чужого труда и система заработной платы. В то же время хозяин и работник в социальном отношении все ещё стояли близко друг к другу. Наем нескольких рабочих, как правило, не освобождал хозяина от личного участия в производстве. С точки зрения политэкономии эти «фабрики» представляли собой мелкотоварные мастерские.

До 1870-х годов, по свидетельству авторов третьего национального ценса, аргентинской промышленности практически не существовало. И лишь начиная с этого рубежа, особенно после 1880 г. она могла приниматься в расчет при статистических подсчетах³. Сдвиги наметились в десятилетие, предшествовавшее второму национальному цензу 1895 г. Массовая европейская иммиграция, расширение площади обрабатываемой земли и рост железнодорожной сети положили начало промышленному развитию Аргентины и складыванию внутреннего

---

² Dorfman A. Historia de la industria argentina. Buenos Aires, 1970. P. 73.

³ República Argentina. Comisión nacional. Tercer censo nacional levantado el 1 de junio de 1914. T. I-X. Buenos Aires, 1916-1919. T, VII. P. 19.

рынка для промышленности. В 1895 г. в стране было около 23 тыс промышленных предприятий, из которых 80% принадлежало иммигрантам, и 170 тыс рабочих, среди которых доля иммигрантов была ниже — 60%⁴.

В целом промышленное развитие страны только начиналось и ограничивалось в основном отраслями по переработке сельскохозяйственной продукции — мясной, мукомольной, сахарной, винной, пивной. В отличие от западных стран, где огромную роль в промышленном становлении сыграла текстильная промышленность, в Аргентине последняя практически не развивалась во второй половине XIX в. На смену домашнему ткачеству в Интериоре пришёл импорт английского текстиля, а не развитие собственной текстильной промышленности.

В 1895 г. в промышленности использовались 3553 паровые машины мощностью 59819 л.с.⁵ Но даже в наиболее развитой отрасли — пищевой — переход к фабричному производству не был еще завершен. Преобладали мелкотоварные мастерские, на которые приходилось 67% всех предприятий и 59% рабочих⁶. Ко времени проведения третьего национального ценса положение качественно не изменилось. В 1913 г. в стране действовало 48,7 тыс предприятий с капиталом в 1788 млн песо, числом занятых в 410 тыс человек, мощностью в 788 тыс л.с. и 1875 млн песо произведенной продукции. В отраслевой структуре продолжала преобладать пищевая промышленность: треть предприятий и занятых, половина вложенного капитала и произведенной продукции и четверть мощностей⁷. Хотя и существовали крупные фабрики обрабатывающей промышленности, они тонули в океане мелких предприятий и кустарных мастерских. На последние приходилась половина всех предприятий, треть занятых, четверть капитала и около пятой части произведенной продукции⁸. В стране полностью отсутствовала тяжелая и горнорудная промышленность, а действовавшие предприятия работали на привозном английском угле. Ко времени первой мировой войны Аргентина ввозила более половины про-

---

⁴ Segundo censo de la República Argentina. Mayo 10 de 1895. Vol. I-III. Buenos Aires, 1898. Vol. III. P. XLII.

⁵ Segundo censo. Vol. III. P. CLXXV.

⁶ Ortiz R.M. Historia económica de la Argentina. 1850–1930. Vol. 1-2. Buenos Aires, 1955. Vol. 1. P. 213.

⁷ Tercer censo. T. VII. P. 34, 40.

⁸ Подсчитано по: Tercer censo. T. VII. P. 35-36.

мышленных товаров конечного спроса⁹.

ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

По мере развития промышленности формировался и рос пролетариат. Ряды рабочего класса пополнялись в основном европейскими иммигрантами, которые и положили начало рабочему движению в стране. Первоначально созданные организации трудящихся представляли собой общества взаимопомощи.

Первой организацией подобного рода стало создание в 1857 г. Общества типографских рабочих Буэнос-Айреса. Общество ставило перед собой цель «оказывать помощь тем, кто в ней нуждается», «помогать больным и нетрудоспособным членам организации», а также следить, чтобы «рабочим выплачивали заработную плату, необходимую для их существования и в соответствии с их трудом и знаниями»¹⁰. Вслед за обществом типографских рабочих Буэнос-Айреса в 1860–е годы создаются общества сапожников, рабочих–поденщиков, ремесленников. Все эти общества носили мютюэлистский характер и по классовому составу не были чисто рабочими. Часто в них вступали и хозяева мелких предприятий, ремесленники, представители интеллигенции. Последние, как правило, формулировали рабочие требования, выступали пропагандистами идей социального освобождения.

Эти идеи были достаточно эклектичны, а их пропагандисты нередко меняли свои политические убеждения. Характерен в этом отношении пример испанского иммигранта каталонца В. Виктори-и-Суареса, который со страниц издаваемой им в 1863 г. первой рабочей газеты «Эль Артесано» пропагандировал идеи утопического социализма, анархизма, кооперации, выступал за включение в аргентинскую конституцию положения о социальных правах трудящихся, но очень скоро стал активным деятелем созданного в 1866 г. объединения аргентинских скотоводов Сельского общества. Впоследствии он издавал главный орган аргентинского масонства «*Revista masónica americana*»¹¹.

На новую ступень — создание собственно профсоюзных объединений — рабочее движение поднялось под влиянием членов I Интернационала, которые в 1872 г. организовали в Буэнос-Айресе три секции:

---

⁹ Naciones Unidas. Comisión Económica para América Latina. El desarrollo económico de la Argentina. México, 1959. P. 21, 159.

¹⁰ *Искаро Р.* Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и развитие. М., 1978. С. 39–40; *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. Córdoba, 1970. P. 26.

¹¹ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 36–37.

французскую, итальянскую и испанскую¹².

В 1878 г. состоялась первая забастовка аргентинских рабочих. Стачка была проведена типографскими рабочими Буэнос-Айреса, создавшими с этой целью первый профсоюз — «Союз типографских рабочих Буэнос-Айреса». Профсоюз издавал газету и объединял 1 тыс рабочих. В его работе активное участие принимали интернационалисты, под влиянием которых были сформулированы следующие требования бастующих: установление нормированного рабочего дня, повышение заработной платы и ограничение детского труда. Забастовка длилась месяц и, несмотря на сильное противодействие предпринимателей, окончилась победой рабочих, в результате которой был заключен первый в истории страны коллективный договор: 12-ти часовой рабочий день в летние месяцы и 10-тичасовой в зимние; ликвидация возрастных различий при оплате труда¹³. В 1880-е годы состоялось около 50 забастовок, которые постепенно принимали все более организованный характер и проходили под руководством созданных с этой целью профсоюзов. Главными требованиями рабочих были сокращение рабочего дня и повышение заработной платы¹⁴.

В 1882 г. в Буэнос-Айресе немецкие социал-демократы Г. Лальман, А. Кун и Ф. Вебер, проживавшие в Аргентине, организовали клуб «Форвертс» с целью «содействия в осуществлении принципов и целей социализма в соответствии с программой социал-демократической партии Германии»¹⁵. Клуб стал пропагандистом марксизма и местом проведения рабочих и профсоюзных собраний, на которых разгорелась острая идейная борьба между социалистами и анархистами. Последние находили благоприятную почву в среде рабочих полукустарной промышленности и безуспешно оспаривали у социалистов руководство молодым рабочим движением.

Само рабочее движение, раздираемое внутренней борьбой между социалистами и анархистами, переживало начальный период своего становления. Многие профсоюзы, созданные для проведения забастовок, распались после их окончания. Объективные условия формирования молодого рабочего класса на мелких полукустарных предприятиях задерживали процесс его идейного роста и классовой организа-

---

¹² Подробнее см.: *Ермолаев В.И.* Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М.: Мысль, 1982. С. 63-67.

¹³ *Искаро Р.* Рабочее и профсоюзное движение. С. 47-48; *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 49.

¹⁴ *Godio J.* Historia del movimiento obrero argentino. Buenos Aires, 1973. P. 73.

¹⁵ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 6.

ции. За исключением железнодорожников, в стране отсутствовали другие отряды индустриальных рабочих. Несмотря на отсутствие идейно–политического единства и единого руководящего центра, рабочее движение усилилось в конце 1880-х годов с первыми симптомами приближающегося экономического кризиса.

Начавшаяся во второй половине 1880-х годов инфляция больше всего ударила по наемным работникам, вызвав падение реальной заработной платы трудящихся. Если в 1885 г. дневной заработок квалифицированного рабочего составлял 1,05 золотых песо, то к 1891 г. он упал до 0,81 золотых песо. Принимая во внимание, что цены на предметы первой необходимости, исчисляемые в золоте, остались на прежнем уровне, а аренда жилья значительно возросла, оказалось, что всего лишь за одно пятилетие реальная зарплата рабочего сократилась наполовину¹⁶. Грабительский характер существовавшей денежной системы, в основе которой лежало два вида песо: золотой и неконвертируемый бумажный, прекрасно распознали представители наиболее сознательного отряда молодого аргентинского пролетариата — железнодорожники. В 1888 г., с появлением первых симптомов кризиса, рабочие Южной железной дороги, принадлежавшей английскому капиталу, объявили забастовку с требованием выплаты зарплаты в золоте. На подавление забастовки была брошена полиция, которая применила оружие, ранив нескольких рабочих¹⁷.

С углублением кризиса правительство олигархии начало проводить политику экономии, которая обрекала на голод и нищету народные массы. В первую очередь власти значительно сократили расходы на общественное строительство. «Начатые постройки, — писал русский поверенный в делах в Аргентине К.А. Богданов, — которые в одном Буэнос-Айресе давали работу до ста тысячам рабочих, останавливаются»¹⁸. В стране, где ощущалась нехватка рабочих рук, началась массовая безработица. Касаясь бедственного положения трудящихся, которые остались без куска хлеба, газета «Эль Насьональ» писала: «С каждым днем сцены нищеты на улицах Буэнос-Айреса принимают все более отвратительные формы. Однако ни власти, ни благотворительные

---

¹⁶ *Panettieri J.* Los trabajadores en tiempos de la inmigración masiva en Argentina 1870–1910. Buenos Aires, 1966. P. 58.

¹⁷ *Puiggros R.* Antecedentes de la crisis nacional de 1890 // Cursos y conferencias. Vol. XVI. Año IX, octubre – noviembre de 1940. P. 2102.

¹⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1890. Д. 83. Л. 88.

общества не принимают никаких мер»¹⁹.

Начавшийся экономический кризис усилил движение рабочих в защиту своих жизненных интересов. Говоря о составе иммигрантов, приехавших в Аргентину накануне 1890 г., российский консул в Буэнос-Айресе Кристоферсен отмечал, что «иммигранты, прибывающие через Антверпен, принадлежат по большей части к социалистам и стачечникам рудников Шарлеруа и других местностей»²⁰. Именно пролетарии, прошедшие школу классовой борьбы у себя на родине, встали во главе забастовочной борьбы, которой к началу 1890 г. были охвачены тысячи рабочих. «Забастовка повсюду», — под таким заголовком газеты того времени сообщали о выступлениях рабочих²¹.

На волне стачечной борьбы рабочие-иммигранты в Аргентине, как и пролетарии других стран мира, впервые отметили в 1890 г. 1 Мая. С этой целью в начале 1890 г. клуб «Форвертс» во исполнение решений Парижского 1889 г. конгресса II Интернационала обратился к рабочим организациям Буэнос-Айреса с предложением провести первомайскую демонстрацию. Для организации празднования Дня трудящихся 1 Мая был образован Интернациональный рабочий комитет. Комитет обратился к рабочим с манифестом, в котором призвал трудящихся не выходить 1 мая на работу и провести митинг.

В первомайском манифесте говорилось: «Современный кризис в стране обострил противоречия и ухудшил положение всех общественных классов, однако, не в такой катастрофической степени, как положение рабочего класса [...] В этих условиях трудящийся народ Аргентины впервые поднимает мощный голос миллионов обездоленных с требованием права рабочих на труд». Манифест заканчивался призывом: «Сплотимся и заявим в один голос о нашем каторжном положении. Пусть станет известно всем, что нас безнаказанно угнетают и эксплуатируют. Люди, отстаивающие свои права, объединимся»²².

Манифест обращался к «бедным иммигрантам, лишенным средств к существованию, которые не знают страны и ее языка», и призывал их обратиться к высшей власти в стране, «изложив перед ней и в то же время перед всей нацией, в должной и законной форме наши жалобы и наши требования». «Наш долг, — указывалось в манифесте, — использовать все средства, которые находятся в нашем распоряжении, чтобы конституция республики стала действительностью для нас. Мы

---

¹⁹ Цит. по: LV. La revolución del 90. Buenos Aires, 1948. P. 62.

²⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1890. Д. 83. Л. 88.

²¹ Sommi L. V. La revolución del 90. P. 69.

²² Цит. по: Искаро Р. Рабочие и профсоюзное движение. С. 67.

требуем прежде всего свободы наших мнений, свободы наших устремлений и свободы пропаганды для улучшения нашего положения и мы требуем тех же гарантий для личности рабочих, как и для любого другого гражданина»²³. 1-го Мая многие рабочие и ремесленники столицы не вышли на работу. По существу это была первая всеобщая забастовка столичных трудящихся. В Буэнос-Айресе на площади Прадо Эспаньоль состоялся трехтысячный митинг рабочих, на котором был единодушно одобрен Манифест и приняты решения: во-первых, создать в стране Федерацию рабочих; во-вторых, издавать газету для защиты интересов рабочего класса; в-третьих, направить петицию в Национальный конгресс с требованием о принятии закона в защиту рабочего класса²⁴.

Празднование 1-го Мая прошло также в Ла-Плате, Росарио, Санта-Фе и ряде других городов страны. В нем приняли участие не только рабочие профсоюзы, но и различные организации мютюэлистского и культурно-просветительного характера. В соответствии с решением первомайского митинга развернулась кампания по сбору подписей под петицией в Национальный конгресс. В течение месяца под петицией было собрано 8 тыс. подписей и в начале июня она была представлена в палату депутатов. Петиция содержала следующие рабочие требования: 1) 8-часовой рабочий день; 2) запрещение использования труда подростков моложе 14 лет и сокращение рабочего дня до 6 часов для 14-15-летних подростков обоего пола; 3) отмена работы в ночное время, за исключением отраслей с непрерывным циклом; 4) запрещение женского труда на вредных работах; 5) отмена работы в ночное время для женщин и подростков моложе 18 лет; 6) непрерывный 36-часовой еженедельный отдых для всех трудящихся; 7) запрещение работ, орудий производства, опасных для здоровья; 8) запрещение сдельного и аккордного труда; 9) инспектирование мастерских и заводов официальными лицами; 10) санитарная проверка жилищ, контроль над производством и продажей напитков и продовольствия, привлечение к ответственности лиц, занимающихся мошенничеством; 11) обязательное страхование от несчастных случаев; 12) создание судов, состоящих из представителей рабочих и хозяев, для быстрого и бесплатного решения разногласий между ними²⁵.

---

²³ *Oddone J.* Historia del socialismo argentina. Buenos Aires, 1934. Т. 1. P. 126.

²⁴ *Искаро Р.* Рабочее и профсоюзное движение в Аргентине. С. 67.

²⁵ *Oddone J.* Historia del socialismo argentina. Т. 1. P. 138-140.

29 июня 1890 г. Интернациональный рабочий комитет решил создать Рабочую федерацию Аргентины, которая была поддержана организациями плотников, рабочих табачной и обувной промышленности, рабочими немецкой типографии. В дальнейшем к ним присоединились рабочие организации в Росарио, Мендосе и Часкамусе.

Таким образом, ухудшение материального положения трудящихся в результате экономического кризиса обострило выше обычного их нужду и бедствия. На базе ухудшения экономического положения и социального бесправия рабочих возросла активность пролетариев, которые осознали себя самостоятельной социальной силой, независимой от других общественных классов. До 1890 г. рабочее движение носило в значительной мере спорадический характер, отсутствовали даже попытки придать ему общеклассовую организацию, выработать программу общерабочих требований. В 1890 г. рабочее движение впервые сделало исторический шаг в направлении организации и объединения, подняв знамя забастовочной борьбы и выдвинув широкую программу экономических требований. Это было движение, созданное и руководимое рабочими, с программой чисто рабочих требований.

Обострение, выше обычного, нужды и бедствий рабочего класса и значительное повышение на этой основе его общественной активности позволяет говорить о том, что в середине 1890 г. в Аргентине начал складываться кризис низов. Однако этот процесс был далек от завершения. Значительное повышение активности трудящихся не вышло за рамки выдвижения ими чисто экономических требований. Это была экономическая, а не политическая активность. Борьба трудящихся за свои непосредственные интересы не получила развития и продолжения на политическом уровне.

Вместе с тем рабочие–социалисты, под влиянием которых был написан первомайский манифест, призывали трудящихся бороться за политические свободы. Правда, требования политической свободы так и остались общим призывом, не получившим дальнейшего развития применительно к конкретно-историческим условиям Аргентины 1890 г. В стране было единовластие президента — уникато — и отсутствовали свободные выборы, она управлялась камарильей латифундистов и коммерсантов, тесно связанных с иностранным капиталом, и находилась в полной финансово-экономической зависимости от западноевропейских стран. Рабочий комитет ни слова не сказал об этих главных стоящих перед страной проблемах, о начавшемся демократическом движении оппозиционных групп олигархии и городских средних слоев, незадолго до 1 Мая объединившихся в рядах Гражданского

юза. С самого начала демократическое движение и движение пролетариата развивались параллельно, так и не слившись в едином потоке борьбы за установление в Аргентине политической демократии.

В определенной степени такое поведение рабочих объяснялось интернациональным составом пролетариата, преобладанием в нем недавно приехавших иммигрантов, не знакомых с местными условиями и не владевших испанским языком, слабой теоретической подготовкой рабочих кадров, а также влиянием анархизма, отрицавшим необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу. Все это не позволило пролетариату выработать правильную и соответствующую времени стратегию и тактику рабочего движения в условиях назревшей в стране революционной ситуации.

Однако главная причина слабости пролетарского движения крылась в низком уровне общественно-экономического развития Аргентины, в которой едва намечился переход к фабричной промышленности. Собственно пролетариат — продукт крупной машинной индустрии — составлял ничтожно малую часть рабочего класса, в котором решительно преобладали работники ремесленно-мануфактурной промышленности. Он были ещё далеки от классового самосознания и организованности фабричных рабочих и окончательно не выделились из рядов городского плебса, политическая ориентация которого не отличалась ни устойчивостью, ни классовой сознательностью.

Незрелость формационных предпосылок компенсировалась цивилизационными особенностями формирования рабочего класса, в появлении которого решающую роль сыграл внешний фактор — европейская иммиграция. Тот факт, что рабочее движение с момента своего зарождения развивалось как филиал западноевропейского, обусловило раннее проникновение в страну идей марксизма и анархизма, существование в ней секций Интернационала тогда, когда спонтанный ход исторического развития еще не подошёл к этому. С идеологией и организацией рабочего класса произошло то же самое, что и с буржуазным либерализмом в Аргентине, как и в случае с последним, для генезиса рабочего движения было характерно не его спонтанное возникновение на основе общественно-экономического развития страны, а насаждение на слабо подготовленную спонтанным историческим развитием почву уже сложившихся организационных форм и идеологических схем международного рабочего движения.

Сочетание системных факторов повышенной зрелости, с одной стороны, и национальных и стадияльных факторов более низкой ступени зрелости, с другой, породило особенность аргентинского рабоче-

го движения. Эта особенность заключалась в существовании боевого авангарда, проникнутого идеями классовой борьбы и впитавшего в себя опыт западноевропейского рабочего движения, в общественно-экономической среде, характерной для этапа генезиса капитализма, а не сложившегося в результате промышленного переворота буржуазного общества. К тому же этот авангард не имел корней в национальной почве, он не знал конкретно-исторической специфики страны и поэтому не мог увязать борьбу рабочих с развёртывающимся общедемократическим движением. В свою очередь имущие классы в условиях недостаточно развитого противоречия между трудом и капиталом и в обстановке экономического и назревающего политического кризиса заняли двойственную позицию по отношению к рабочему движению. Точка зрения демократической интеллигенции на рабочий вопрос нашла отражение в редакционной статье, опубликованной газетой «Эль Насьональ» 4 ноября 1889 г. В статье утверждалось, что «трудящиеся, которые пропагандируют социалистические, анархические или коммунистические идеи, ошибаются. У нас нет социального вопроса, а если и есть, то этот социальный вопрос отличен от европейского». Далее газета ставит вопрос: «Чего не хватает в Европе? Земли для трудящихся. Это как раз то, что у нас имеется в избытке».

В этой же статье «Эль Насьональ» после заявления, что в Аргентине нет социального вопроса и что социалистическая пропаганда не имеет под собой почвы, добавляла: «Этим мы не хотим сказать, что трудящиеся не должны заботиться о своих интересах. Наоборот, наши обычаи не допускают опеки одного класса над другим. Пускай поэтому трудящиеся ищут средство улучшить свое положение, но ищут его без угроз, без войны классов, без всего того мелодраматического аппарата, который до сих пор защищает действия рабочих»²⁶. Однозначно отрицательную позицию по отношению к забастовочной борьбе рабочих занимали сами предприниматели. Промышленный союз считал, что забастовки ведут к «разрушению промышленности» и ратовали за высылку из страны рабочих активистов²⁷.

В свою очередь позиции рабочего класса ослаблялись отсутствием единства в его рядах. Петицию в конгресс подписали как социалисты, так и анархисты. Формально в середине 1890 г. рабочее движение выступало единым фронтом. Однако за кажущимся единством скрывались глубокие разногласия между социалистами и анархистами. Они

---

²⁶ Цит. по: *Sommi L.V.* La revolución del 90. P. 74-75.

²⁷ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 63.

касались прежде всего отношения к борьбе Гражданского союза с режимом «уникато». Какую позицию по отношению к ней должно занять организованное рабочее движение? Если в официальных документах движения этот вопрос не нашел отражения, то это не значит, что он не обсуждался вовсе. Первыми свою позицию декларировали анархисты и она была резко отрицательной. Незадолго до вооруженного восстания 26 июля орган анархистов газета «Эль Персегидо» писала: «Вы, здешние, думаете, что Алем (лидер Гражданского союза — В.К.) лучше, чем Пеллегрини (вице-президент Аргентины — В.К.), а Митре (бывший президент страны — В.К.) лучше Роки (бывший президент — В.К.) и Хуареса (действующий президент — В.К.) и что с приходом радикалов мы все станем миллионерами и полиция ни с кем не станет ссориться [...] Необходимо обескуражить всех этих ослов»²⁸. В отличие от анархистов, группировавшиеся вокруг клуба «Форвертс» и издававшей им одноименной газеты, социалисты пытались принять участие в политической жизни страны. В октябре 1889 г. редактор газеты Х. Винигер написал статью с критикой правящего режима: «Он располагает лишь поддержкой полицейских агентов»²⁹. За это полиция разгромила типографию газеты и арестовала ее редактора. Первая серьезная попытка соединить научный социализм с начавшимся в Аргентине массовым рабочим движением была предпринята уже после июльских событий 1890 г. в Буэнос-Айресе.

Таким образом, к моменту вооруженного выступления Гражданского союза против правительства президента М. Хуареса Сельмана рабочее движение находилось еще в стадии организации, не имело четкой идейно-политической ориентации, не располагало конкретной программой борьбы, его ряды раздирались острыми противоречиями между анархистами и социалистами. Поэтому рабочий класс как организованная сила не принял участия в развернувшейся вскоре вооруженной борьбе Гражданского союза против олигархического режима. В свою очередь буржуазия враждебно относилась к начавшемуся в стране самостоятельному рабочему движению. Раздававшиеся из рядов оппозиции отдельные сочувствующие рабочим требования голоса ничего принципиально не меняли. Гражданский союз искал союзников не слева, а справа, что привело к поражению восстания 26–29 июля 1890 г. в Буэнос-Айресе.

Вместе с тем в среде Гражданского союза накануне восстания

---

²⁸ Цит. по: *Godio J. Historia del movimiento obrero argentino*. P. 105.

²⁹ Цит. по: *Ratzer J. Los marxistas argentinos del 90*. P. 66.

предлагалась и иная тактика борьбы. Будущий основатель и бессменный лидер социалистической партии Х.Б. Хусто начинал свою политическую деятельность в рядах Гражданского союза, но очень скоро не согласный с курсом на вооруженное восстание, вышел из него. Хусто считал, что вооруженное восстание с участием армии приведет к развитию в Аргентине милитаризма. Вместо традиционного восстания молодой врач Хусто предлагал новый метод политической борьбы — всеобщую забастовку налогоплательщиков³⁰. Это могло стать важным средством политической мобилизации широких слоев населения. Однако план Хусто не был принят.

Июльское восстание 1890 г. и введенное правительством осадное положение на время затормозили наметившуюся тенденцию к организации рабочего движения. Поэтому принятое 29 июля 1890 г. Интернациональным рабочим комитетом решение о создании Рабочей федерации было реализовано лишь полгода спустя. В начале января 1891 года в Буэнос-Айресе состоялось учредительное собрание Рабочей федерации, у истоков которой стояли социалисты, члены группы «Форвертс». Лидеры последней К. Маули и Г. Нильке стали руководителями Рабочей федерации. С декабря 1890 г. начала выходить газета федерации «Эль Обреро», редактором которой был активный пропагандист марксизма немецкий инженер Г.А. Лальман, для которого Аргентина стала второй родиной. Если рабочая федерация была первым профсоюзным центром, рожденным в условиях подъема рабочего и демократического движения в стране, то на страницах первой марксистской газеты «Эль Обреро» была предпринята попытка соединить научный социализм с начавшимся в Аргентине рабочим движением.

Прежде всего, марксисты 90 г. попытались с позиций исторического материализма дать определение переживаемого Аргентиной этапа социального развития и на этой основе охарактеризовать происходившие в стране события. «Страна вступает, — писала «Эль Обреро», — в эпоху господства капитализма. До этого момента господствовал деспотический режим «уникато», особая южноамериканская форма абсолютизма»³¹. Исходя из характеристики этапа развития страны, Лальман определил характер и цели июльского восстания, которое «является по преимуществу революцией аргентинской буржуазии, поднимающей знамя буржуазно-демократической республики»³².

---

³⁰ *Cúneo D.* Justo y las luchas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1956. P. 58.

³¹ *Lallemant G.A.* La clase obrera y el nacimiento del marxismo en la Argentina. Buenos Aires, 1974. P. 66.

³² *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 72.

Это общее положение Лальман дополнил конкретным анализом социально-экономической структуры страны. По его мнению, с социально-экономической точки зрения Аргентина не представляла собой единое целое. Наряду с существованием в прибрежных районах, в наибольшей степени подверженных европейской иммиграции, развивающихся капиталистических отношений, в остальной стране продолжали существовать отношения, унаследованные от колонии. Здесь трудящиеся подвергались наиболее варварским формам эксплуатации. Лальман отмечал, что для Аргентины в целом характерно наличие остатков прежних экономических отношений рабства и энкомьенды и их переплетение с развивающимся капитализмом. Таким образом, он вплотную подошел к определению социально-экономической структуры страны как многоукладной, хотя и не использовал этого понятия.

Вместе с тем эти верные наблюдения не были учтены Лальманом при рассмотрении социально-классовой структуры аргентинского общества. В его представлении она носила уже достаточно сложившийся капиталистический характер и состояла из двух главных компонентов: буржуазии и пролетариата. Лальман подразделял класс буржуазии на три фракции: 1) крупнейших скотоводов и землевладельцев, которые безраздельно управляют страной со времен войны за независимость при помощи каудильизма; 2) мелкую буржуазию и 3) международный капитал, в основном европейский³³. Однако в отношении пролетариата подробного анализа проведено не было. Более того, из этой схемы начисто выпал класс мелких землевладельцев со своими собственными интересами. И хотя Лальман указывал на латифундизм как на тормоз в развитии производительных сил, для него линия разделения не пролегла между различными формами развития капитализма.

Главную экономическую причину июльской революции Лальман видел не в борьбе двух путей аграрно-капиталистической эволюции Аргентины, а в стремлении иностранного капитала изменить господствующую систему с целью эксплуатации страны. «Поэтому он (иностраный капитал — В.К.), — писал Лальман, — ведет беспощадную войну посредством лажа на золото и обесценения аргентинских ценных бумаг»³⁴. Таким образом, характеризуя события 1890 г. как буржуазную революцию, марксисты лишь частично раскрывали смысл и значение этой категории применительно к конкретно-историческим

---

³³ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 75.

³⁴ Цит. по: *Paso L.* Historia del origen de los partidos políticos en la Argentina. Buenos Aires, 1974. P. 397.

условиям Аргентины того времени. Если социально-экономический аспект революции остался для них скрытым, то этого нельзя сказать о политической стороне переворота.

В отличие от анархистов, отрицавших всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме социалисты отвергали как нелепую мысль, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что ему не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. В редакционной статье первого номера «Эль Оберо» провозгласила: «На политической арене Аргентины мы выступаем как авангард пролетариата, который только что отделился от эксплуатируемой массы и стал ядром нового класса, вдохновляемого великим учением современного научного социализма»³⁵. Выступив первыми организаторами рабочего движения, марксисты призывали рабочих не ограничиваться экономической борьбой. «Борьба пролетариата за улучшение своего экономического положения, — утверждала газета, — неотделима от его активного участия как класса в политической жизни страны»³⁶.

По мнению марксистов 90 г., участие пролетариата в политической жизни страны должно быть увязано с целями общедемократической борьбы. Рабочий класс должен был стать активным участником движения за установление в Аргентине политической демократии, бороться за нее наряду с буржуазией. В этой связи они рассматривали Гражданский союз, радикальную партию как революционную силу, рожденную экономическим кризисом и призванную преобразовать политическую систему страны в интересах капитализма. Указывая на классовую противоположность конечных устремлений радикалов и социалистов, марксисты в то же время объявляли себя самыми решительными сторонниками демократии, считая обязательным участие пролетариата в революционной борьбе буржуазии, который не должен был, однако, поступаться в ней своими классовыми интересами.

С последовательно революционных позиций подходили марксисты и к характеристике Гражданского союза, анализируя причины поражения организованного им вооруженного восстания. Отмечая, что под знаменем Гражданского союза собралась в основном мелкая буржуазия, Лальман одновременно указывал на социальную неоднородность его рядов, наличия в нем соглашательского крыла, выражавшего интересы крупных землевладельцев, группировавшихся вокруг Б. Митре

---

³⁵ Цит. по Очерки истории Аргентины. М., 1961. С. 238.

³⁶ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 18.

Именно последние господствовали в его руководстве и навязали ему свою линию поведения, что роковым образом сказалось на результатах вооруженной борьбы. Главную причину поражения повстанцев Лальман усматривал в союзе мелкобуржуазной демократии с оппозиционными группами олигархии, а не с народом, в исключении трудящихся масс из участия в борьбе. «Таким образом, — писал Лальман, — движение потеряло свой демократический характер и выродилось в заговор крупных землевладельцев во главе с митристами, которые искусно эксплуатировали веру в него». «Эль Обреро» решительно выступила против соглашения Рока–Митре. Касаясь выдвижения последнего на президентский пост, газета писала: «Гражданский союз совершил предательство. После того, как он поднял народ на восстание, сейчас он предлагает свои услуги лакеям класса крупных землевладельцев»³⁷. Вскрывая причины поражения революции, критикуя колебания Алема, газета в то же время указывала путь, по которому должен идти Гражданский союз, если он желал быть подлинной народной силой. «Единственное, что может сделать Гражданский союз для восстановления своего престижа, — подчеркивал Лальман, — это действовать в соответствии с правом на революцию: покончить с каудильизмом во всех провинциях и затем установить демократический режим. Сомневаемся, что он может найти в себе соответствующую силу и энергию для решения этих вопросов»³⁸.

Скептицизм в отношении способности Гражданского союза действовать в дальнейшем по-революционному основывался у Лальмана на анализе поведения мелкой буржуазии. Касаясь ее колеблющейся, несамостоятельной позиции, он писал: «К сожалению, мелкая буржуазия никогда не отдает себе отчет об истинном положении вещей и поэтому всегда оказывается обманутой»³⁹. Однако дальнейший ход событий позволил скорректировать этот взгляд. Алем при поддержке большинства Гражданского союза решительно выступил против соглашения Рока — Митре, порвал с последним и создал новую партию Гражданский радикальный союз или радикальная партия на принципах непримиримости к олигархическому режиму. Несмотря на ограниченность радикализма Гражданского союза разрыв с митристами имел большое положительное значение для дальнейшей борьбы за установление демократии в Аргентине. Отмечая это, Лальман писал:

---

³⁷ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 72-73.

³⁸ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 75.

³⁹ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 77.

«Мы горячо аплодируем поведению доктора Алема. Как демократическая партия, Гражданский союз не может идти на соглашение ни с Рокка, ни с Митре»⁴⁰.

В области практической политики марксисты 90 г. преследовали цель путем развития профсоюзного движения создать рабочее ядро, вокруг которого в дальнейшем могла бы сложиться социалистическая партия. Для нас нет иной дороги двигаться вперед, — утверждала «Эль Обреро», — как ковать партию борьбы путем организации сильной Рабочей федерации и интернациональной политической партии наступления на буржуазное государство»⁴¹. Так как в начале 1890-х гг. такой партии в Аргентине не было, Рабочая федерация стала не только профсоюзным объединением, но также выступила в роли политического организатора трудящихся.

В январе 1891 г. на массовом митинге безработных столицы рабочие потребовали у правительства принятия действенных мер по облегчению тяжелого положения трудящихся. Поскольку власти игнорировали представленную в национальный конгресс в июне 1890 г. петицию рабочих, трудящиеся направили новую петицию, в которой настаивали на необходимости изучения властями положения рабочего класса. Руководство Рабочей федерации дважды обращалось к президенту К. Пеллегрини с просьбой принять меры по защите рабочих и отменить налоги на предметы потребления.

Во второй петиции к президенту республики содержалась сводка основных социально–политических требований, объективно направленных на последовательную перестройку аргентинского общества на буржуазно–демократических началах. Руководители Рабочей федерации К. Маули и Г. Нильке, подписавшие петицию, выступали за ликвидацию официальных банков и их должников; за установление системы прямых прогрессивных налогов; за всеобщее избирательное право; за натурализацию иностранцев с тем, чтобы все классы приняли участие в разработке законодательства и в наиболее широком самоуправлении коммун⁴².

Одно в разработанной и одобренной на первом и втором конгрессах Рабочей федерации в 1891 и 1892 гг. программе Аргентина рассматривалась как уже сложившееся буржуазное общество. В основу программы легли требования, впервые выдвинутые в петиции 1890 г.

---

⁴⁰ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 76.

⁴¹ Цит. по: *Godio J.* Historia del movimiento obrero argentino. P. 106.

⁴² *Oddone J.* Historia del socialismo argentina. T. 1. P. 142.

Повторяя основные программные положения европейских социалистических партий, программа федерации не учитывала национальных исторических особенностей Аргентины и носила абстрактный характер. Да и сама Рабочая федерация, раздираемая борьбой между анархистами и социалистами, уже в конце 1892 г. перестала существовать. Еще раньше, в сентябре 1892 г. перестал выходить печатный орган федерации — газета «Эль Обреро».

На усиление забастовочной борьбы и попытку создания самостоятельной рабочей организации власти ответили репрессиями. Под предлогом свободы труда полиция оказывала давление, преследовала и арестовывала рабочих руководителей. Полицейский террор и продолжавшийся экономический кризис вынудили многих рабочих руководителей из числа наиболее сознательных рабочих иммигрантов покинуть Аргентину, что в свою очередь отрицательно сказалось на организации рабочего движения, вызвав в 1893 г. его дальнейший спад. Следует отметить, что даже Л. Алем, наиболее близкий к народным массам деятель Гражданского радикального союза, не понимал и не принимал начавшееся в стране рабочее движение. Выступления рабочих в защиту своих прав не слились с борьбой радикальной партии за политическую свободу и рабочее движение не стало фактором общедемократической борьбы. Это объяснялось, прежде всего, отсутствием политической организации пролетариата. Однако, несмотря на спад рабочего движения попытки ее создания не прекратились.

В декабре 1892 г. возникло социалистическое объединение Буэнос-Айреса. Параллельно с ним действовали созданные по национальному признаку группы: французская, итальянская, немецкий клуб «Форвертс». В конце 1893 г. на совещании представителей этих групп было решено издавать еженедельную социалистическую газету «Ла Вангардия». Газета стала идейным центром по организации социалистической партии. Вокруг публиковавшихся на страницах газеты программных предложений развертывались дискуссии, в ходе которых выработывалась идейно-политическая платформа будущей партии.

Первым редактором газеты стал Х.Б. Хусто, завоевавший большой авторитет своей деятельностью по организации социалистической партии. Вместе с Хусто пришла большая группа уроженцев страны, ставшая ядром формирующейся партии. По признанию Хусто, его приход в социалистическое движения объяснялся прежде всего гуманистическими соображениями. Врач по профессии, он хотел лечить не только последствия социальных недугов, но и их причины. Вскоре взгляды Хусто стали определять позицию социалистов по ряду важ-

ных вопросов, в частности, по отношению к радикалам, к которым Хусто и его сторонники, в отличие от марксистов 90 г. относились крайне отрицательно. Это показала дискуссия, развернувшаяся на страницах «Ла Вангвардия» в 1894 г.

В первом номере газеты от 7 апреля 1894 г. было опубликовано письмо Ф. Энгельса к лидеру итальянской социалистической партии Ф. Турати, где он высказал ряд принципиальных соображений о тактике социалистов в отношении буржуазных республиканцев. Письмо Энгельса вызвало оживленную полемику. Применимы ли положения Энгельса о поддержке социалистами буржуазных республиканцев в общедемократической борьбе? Точка зрения марксистов 90 г., сформулированная Лальманом в статье «Рабочие в аргентинской политике. Мнение, заслуживающее быть услышанным», содержала утвердительный ответ. Лальман писал: «Я полагаю, что вы не сочтете бестактностью с моей стороны, что я веду пропаганду в пользу политической деятельности в духе письма Энгельса. Я думаю, что она принесет очень хорошие результаты. Но не платоническими замечаниями с галерки политического театра о буржуазных партиях [...], а активной политической деятельностью, как советует Энгельс в своем письме». Ответ группы Хусто не заставил себя ждать. В следующем номере появилась статья Э. Хименеса «Политическая деятельность социалистической партии», где утверждалось, что письмо Энгельса неприменимо к аргентинским условиям для обоснования союза трудящихся с какой-либо буржуазной партией. «Есть ли здесь, — задавал вопрос автор, — какая-либо партия, которая преследовала бы столь революционную цель как в Италии — установление республики? Нет [...] если мы хотим однажды создать партию сознательных трудящихся, необходимо избегать контактов с буржуазными партиями»⁴³.

Через неделю появилась редакционная статья «Социалисты в аргентинской политике», излагавшая кредо группы Хусто, по существу реформистское. «Революционная деятельность социалистической партии, утверждалось в ней, — есть и будет еще в течение многих лет совершенной утопией [...] Лучшим способом воспрепятствовать рабочим бесполезно вступать в уже существующие партии, это развернуть среди них агитацию за понятные для всех реформы»⁴⁴.

Реформистам ответил Лальман. В статье «Радикалы и демократия» Лальман, резюмируя свою позицию, утверждал, что «радикальная

⁴³ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 148.

⁴⁴ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 149.

партия в настоящее время является революционным элементом в Аргентинской республике, рожденная экономическим кризисом и призванная преобразовать наши политические институты в формах, соответствующих интересам капитализма, хотя в ее рядах борется, прежде всего, огромное большинство мелкой буржуазии». «Как носитель чистого капитализма радикалы инстинктивно угадывают своего смертельного врага в социализме, угадывают своего будущего могильщика. Если радикалы нас боятся, — продолжал Лальман, — то мы симпатизируем их борьбе за демократию, хотя эта демократия буржуазная. Мы выступаем наиболее решительными сторонниками демократии, хотя и не разделяем иллюзий буржуазных демократов»⁴⁵.

В конечном итоге возобладала точка зрения Хусто. В социалистической партии возникла тенденция не принимать во внимание борьбу радикалов с олигархическим режимом. В целом, однако, реформистские взгляды возобладали не сразу, что показал первый съезд социалистической партии (28-29 июня 1896 г.). Этот учредительный съезд провозгласил создание социалистической рабочей партии Аргентины (в 1900 г. по решению III съезда партии она была переименована в социалистическую партию Аргентины — СПА). В работе съезда приняли участие не только делегаты от социалистических групп, но и профсоюзов, обществ взаимопомощи, которые объединяли 833 человека⁴⁶.

В своей речи избранный председателем партии Хусто заявил: «Социалистическая является прежде всего партией трудящихся, пролетариата, тех, кто не имеет ничего, кроме продажи своей рабочей силы». Вместе с тем «двери партии открыты настежь для лиц из других классов, которые желали бы вступить в нее, подчиняя свои интересы интересам пролетариата»⁴⁷. Хусто подчеркнул независимость социалистов «от любых интересов капиталистов и мелкой буржуазии, отметив, однако, что не всегда и не по всем вопросам «они противоположны нашим». «Мы начали, — продолжал Хусто, — на тридцать лет позже социалистических партий Европы и потому, что мы начали позже, мы должны начать лучше, используя весь опыт, накопленный международным рабочим движением».

Указав на особенности становления и развития европейских социалистических партий, Хусто призвал искать собственную модель, которая подходила бы к условиям Аргентины. Что касается программы

---

⁴⁵ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 150.

⁴⁶ *Oddone J.* Historia del socialismo argentina. T. 1 P. 260-261.

⁴⁷ Documentos para la historia integral argentina. Buenos Aires, 1981; T. 2. P. 315.

партии, то она, по мнению Хусто, в силу слабой политической сознательности аргентинского народа должны включать лишь понятные для всех реформы, которые могли быть быстро и легко осуществлены⁴⁸. В наибольшей степени влияние марксизма отразилось в Декларации принципов. В одобренной съездом редакции декларации провозглашались классовый характер партии, необходимость освобождения пролетариата от капиталистического ига «путем революции, которая может быть осуществлена силой организованного пролетариата»⁴⁹. Программа-минимум социалистической партии была нацелена на защиту интересов рабочего класса и на развитие капитализма в его наиболее демократических формах. Она предусматривала наряду с социально-экономическими требованиями демократизацию общественной и политической системы страны. Партия боролась за всеобщее избирательное право без различия пола, предоставление политических прав иммигрантам и их натурализацию, муниципальную автономию, ликвидацию армии и ее замену милицией, отделение церкви от государства, 8-часовой рабочий день и принятие рабочего законодательства. С этой целью социалисты предлагали реформу конституции: отмену ст. 2 об обязательной поддержке государством католической религии и изменение ст. 20 с целью облегчения натурализации иммигрантов путем простого внесения их в списки для голосования⁵⁰.

Выполнение рабочих требований мыслилось социалистами через общую демократизацию государства и общества, на путях политической борьбы. С этих позиций они подходили к профсоюзному движению и забастовочной борьбе трудящихся. Социалисты утверждали подчиненный характер профсоюзов, которые должны были служить целям мобилизации рабочих, рекомендуя своим членам голосовать за социалистическую партию. Первый съезд постановил, что профсоюзные организации и федерации должны публично рекомендовать своим членам голосовать на выборах за социалистическую партию, которая требует законодательства по защите труда»⁵¹. Принятый I съездом устав устанавливал организационную структуру партии, основанную на федеральном принципе: «партия состоит из групп, профсоюзов, кружков, общества взаимопомощи, кооперативов, признающих программу и методы деятельности партии и имеющих 10 и более членов». «Членами партии могут быть отдельные лица, признающие программ-

---

⁴⁸ Documentos para la historia integral argentina. T. 2. P. 316.

⁴⁹ Oddone J. Historia del socialismo argentina. T. 1. P. 269.

⁵⁰ Movimiento socialista y obrero. Buenos Aires, 1910. P. 133.

⁵¹ Movimiento socialista y obrero. P. 123.

ные положения и уставные требования партии, в случае если они проживают в населенных пунктах, где нет партийной организации»⁵². Руководящим органом партии между съездами являлся исполком. Официальным органом партии стал еженедельник «Ла Вангвардия».

ИДЕЙНО–ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА СПА

Ведущая роль в выработке программных установок СПА принадлежала Хусто. Его идеи и доктрины определяли идеологию и политику Социалистической партии. Хусто определяя свой подход к истории, подчеркивал познаваемость исторического процесса. История управляется законами и с каждым разом приобретает все более разумный характер. Исторические события логичны и необходимы, их возникновение и существование объяснимо, поскольку они являются результатом действия определенных законов. Исторические законы подобны законам природы. Они столь же объективны и их действия столь же неизбежны «как кристаллизация минералов, как электрический разряд, как эволюция видов»⁵³.

Как познать исторические законы? Только через практическую деятельность тех, кто в наибольшей степени соприкасается с реальной действительностью, у кого нет привилегий, которые нужно скрывать и защищать. Именно трудящиеся больше всего нуждаются в познании общества. Но чтобы прийти к исторической правде, необходимо познать ее во всей глубине. С познанием ее законов история потеряет свой катастрофический характер, приобретет упорядоченный вид и ею станет возможно управлять.

Хусто подчеркивал партийный характер истории. «Пока будут партии, историческая наука, в отличие от математики, будет партийной наукой»⁵⁴. Но на какой основе возможно познание истории, из чего необходимо исходить, приступая к ее изучению? Для Хусто несомненна биологическая основа исторического процесса. В этом вопросе наиболее заметно позитивистское и социал-дарвинистское влияние во взглядах Хусто на социальные процессы, в частности, в его объяснении исторического прогресса. По Хусто, теория борьбы за существование и естественный отбор применимы не только к животному и растительному миру, но и к человеческому обществу. Из этого вытекает

---

⁵² *Oddone J.* Historia del socialismo argentina. T. 1. P. 73.

⁵³ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. Buenos Aires, 1909. P. 5.

⁵⁴ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 8.

суровая борьба за жизнь, которую обязаны вести все живые существа, от нее зависит как жизнь индивида, так и существование его потомства. В этой борьбе побеждают индивиды, наделенные лучшей наследственностью и приспособляемостью к условиям времени и места, выживают наиболее приспособленные. Общественный прогресс начался в первобытный период истории человечества. Один человек, слабый и незащищенный, не мог победить в борьбе с физико-биологическим миром иначе, как только объединившись с другими людьми в общество. В подтверждение своих взглядов Хусто ссылался на Ф. Энгельса, на его слова, что производство и воспроизводство реальной жизни есть в конечном счете определяющий момент истории.

Вместе с тем Хусто далек от того, чтобы одними биологическими законами объяснять историю. Огромное преимущество человеку в борьбе за существование дает техника. Но в современном обществе техника и кооперация покоятся на частной собственности на средства и условия производства, созданные человеком, и это исключительное господство одного класса людей над физико-биологическим миром, над орудиями труда и материалами, вносит беспорядок, нарушает условия борьбы за жизнь. Пролетариат, лишенный орудий труда, должен бороться за свое существование в тяжелых условиях, обречен на недолгую жизнь и слабое развитие личности. «Если для многих людей нет места «на празднике жизни», — заключал Хусто, — это потому, что другие занимают слишком большое место за столом»⁵⁵. С разделением общества на антагонистические классы и их борьбой исторический процесс приобретает собственную форму.

Центральное место в эволюции человечества занимает труд. Человеческий труд, — по мнению Хусто, — это то, что подчиняет историю биологии и в то же время отделяет ее от нее. История подчиняется биологии, так как производственная деятельность человека подчиняется животным инстинктам, преследуя цель удовлетворить прежде всего первичные потребности, потому что они реализуются благодаря физико-биологическому миру, в который все больше проникает человеческий труд для его преобразования. История отделяется от биологии, поскольку техника является созданием человека, которую он сознательно и целенаправленно производит.

В современной истории технический фундамент человеческой эволюции открыл К. Маркс. Он и Энгельс были первыми, кто во всей полноте поняли историческую роль способа производства, которому

---

⁵⁵ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 32.*

подчинены все другие стороны общественной жизни. По Марксу, средства производства являются не только способом развития человеческой силы труда, но также определяют производственные (экономические — по Хусто — В.К.) отношения, в которых он работает. Экономические эпохи, — повторял Хусто вслед за Марксом, — отличаются не тем, что человек делает, а как он это делает, какими орудиями труда. Уровень развития материальных производительных сил зависит от отношений людей в общественном производстве. Экономическая структура общества есть базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания.

По мере познания людьми физико–биологического мира и применения этих знаний в технике развиваются экономические отношения. И с их развитием начинается собственно история. Технический прогресс ведет к возникновению новых экономических отношений, которые делают производство более эффективным. Хусто рассматривал возникновение монополий, как прогрессивное экономическое явление. «Они упрощают управление производством и способствуют большему развитию их технико–экономических возможностей»⁵⁶. Хусто отмечал противоречивый характер развития капитализма. Концентрация промышленности и торговли во все более крупных предприятиях свидетельствовала, что собственность сосредоточивается в руках все меньшего количества людей. Но в то же время крупные предприятия создавались в форме акционерных обществ, что само по себе перечеркивало предыдущий вывод. Хусто согласен с Э. Бернштейном в том, что значительная часть акций в них распределена среди широких слоев населения. Исходя из этого, он делал вывод: «Вне всякого сомнения, растет число состоятельных людей, что показывает, что какого бы неравенства в состояниях не было, растет число людей, которые что-то имеют, и их число имеет тенденцию к увеличению»⁵⁷.

Количество людей с доходом выше минимального уровня росло за счет складывания многочисленного слоя трудящихся физического и умственного труда, а также наемных служащих, чье вознаграждение за труд было выше, чем у бедных групп пролетариата. «Между тем, — добавлял Хусто, — ничто не доказывает, что растет число лиц полностью неимущий»⁵⁸. Наряду с огромными состояниями в немногих ру-

---

⁵⁶ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 96.*

⁵⁷ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 298.*

⁵⁸ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 301.*

как росло число состоятельных людей в трудящихся слоях. Поэтому, по мнению Хусто, нельзя было говорить об абсолютном обнищании трудящихся, а лишь об относительном.

Хусто объяснял это более быстрым ростом национального богатства относительно численности населения, что вело к росту не только больших состояний, но и к увеличению средств существования и развития народа, а для «исторического будущего, — подчёркивал Хусто, — это последнее обстоятельство имеет решающее значение»⁵⁹. Вместе с тем Хусто отвергал краеугольный камень марксистской политической экономии — учение о прибавочной стоимости, за которую рабочий не получал вознаграждения. Для Хусто рабочая сила не являлась товаром, поскольку в этом случае «наемный труд не является добровольным и свободным соглашением, а смягченным рабством»⁶⁰. В то время как в действительности отношения между рабочими и капиталистами носили правовой характер.

Хусто признавал, что продукт труда рабочего превышал его зарплату, но считал, что с развитием экономико–политических способностей наемного работника и при условии его самостоятельных действий в защиту своих прав, его потребности приблизятся к стоимости произведенного им продукта. «С каждым днем будет все меньше паразитизма, — заключал Хусто, — и в конце концов нельзя будет говорить о зарплате»⁶¹. Путь к этому лежал через повышение вознаграждения за труд рабочего. Хусто призывал различать номинальную и реальную зарплату. Для определения последней необходимо связать денежное вознаграждение рабочего с ценой товаров первой необходимости, в которых нуждается трудящийся. Таким образом получается числовое выражение уровня жизни. Разница между двумя зарплатами, по Хусто, имеет фундаментальное значение, хотя в обоих случаях рабочий эксплуатировался.

Хусто объяснял насилие, классовую борьбу, войны и революции с социал–дарвинистских позиций, связывая их с борьбой за существование. Первоначально войны носили примитивный характер биологической борьбы. С установлением господства одного класса над другими войны из внешних превратились во внутренние. Восстания рабов, кровавые раздоры и распри между богатыми и бедными, должниками и кредиторами всегда были борьбой за жизнь внутри существовавшего

---

⁵⁹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 304.

⁶⁰ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 225.

⁶¹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 269.

общественного строя. Только значительно позже (Хусто имел в виду зарождение капитализма — В.К.) они превратились в гражданские войны за новый общественный строй. Так, английская революция XVII в., американская и французская XVIII в., борьба за независимость Южной Америки, вызванные экономической эволюцией, вылились в прогрессивные политические изменения.

Хусто был уверен, что в будущем с развитием цивилизации войны исчезнут, а вооруженные движения с каждым разом будут все менее необходимы для политической эволюции. Новые политические обычаи и нравы, вызванные технико-экономическим прогрессом, низведут вооруженные силы ко все более подчиненному положению в иерархии человеческой деятельности, сделав их ненужными и излишними для исторического прогресса. В качестве примера Хусто приводил Швейцарию — насколько более сильную без постоянной армии, с поголовно вооруженным народом, привыкшим исполнять свои права и обязанности без насилия.

Какая сфера человеческой деятельности осталась для войны? — задавал риторический вопрос Хусто. Если раньше войны ускоряли технико-экономическую эволюцию, то исторический прогресс привел к безграничным возможностям для индивидуального и коллективного развития как внутри национальных границ, так и за их пределами, открыв для свободного перемещения людей и товаров всю доступную территорию земли. Последнее обстоятельство устраняло, по мнению Хусто, всякую необходимость покорять ее с оружием в руках. Вместо войны изменения в жизни народов внесет торгово-промышленное соперничество, которое «скорее навяжет Англии и США метрическую систему и с меньшими потерями, чем войны»⁶².

Войны останутся между дикими и варварскими народами, как инстинктивная борьба за жизнь. Но война между цивилизованными народами является преступлением. К тому же, по верному замечанию Хусто, их с каждым разом все труднее заканчивать и они опасны для привилегированных классов по мере роста политического сознания трудящихся. Одновременно Хусто признавал войну законным средством, если речь шла о присоединении к цивилизации новых земель.

По существу Хусто оправдывал колониальные войны: каждый народ обязан сам эксплуатировать свои природные ресурсы или открыть их для эксплуатации другим. В этой связи он соглашался с Кипплингом, когда тот говорил о «бремени белого человека» и оправ-

---

⁶² *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 128.*

дывал войны европейских колонизаторов в Африке и аргентинского правительства против индейцев в собственной стране. Но и эти войны исчезнут с развитием культуры. Но чтобы они исчезли окончательно, необходимо выравнивание уровня развития всех народов, включение диких и варварских народов в цивилизацию. Хусто не исключал, что сохранение различий между народами приведет к новым войнам.

Силовое решение проблем в человеческих взаимоотношениях не всегда выходит на поверхность, но сила всегда заставляет и заставляет одних людей подчиняться другим. За господствующими классами всегда стоят правительства, которые диктуют законы и заставляют их исполнять. Но господствующие классы не вечны. В процессе развития они утрачивают свое первоначальное экономическое и военное превосходство, деградируют в паразитическую касту и удерживают свое господство лишь силой. На смену им появляются новые, революционные классы, носители технико-экономического прогресса. Борьба этих классов двигает вперед историю.

Повышение уровня жизни рабочих, подчеркивал Хусто, не является результатом гуманности самого капитализма. Рост производительности труда автоматически не вызывает рост зарплаты. Наоборот, если капиталист не встречает противодействия со стороны рабочего и действует беспрепятственно, он стремится понизить уровень жизни трудящихся. Только эффективное сопротивление рабочих способно нейтрализовать, до определённой степени, деградирующее воздействие капитализма на человека. Технический прогресс, в той мере, в какой он зависит от предпринимателя, предполагает увеличение его прибыли, а не облегчение жизни трудящихся и увеличение массы продуктов для потребления.

При капитализме прогресс идет беспорядочно, хаотично. В своём стремлении к прибыли капиталист не признает никаких ограничений, все средства хороши, чтобы устранить конкурента. Из тирании капитализма ничто так отрицательно не влияет на трудящегося, как чрезмерный труд и насильственная безработица. Сама природа капиталистического строя, при котором трудящийся является не личностью, а только средством производства, вызывает необходимость существования резервной армии труда.

Внутри буржуазных форм собственности, отмечал Хусто, разрушительная конкуренция ведет к образованию монополий, которые характерны для передовых в технико-экономическом отношении стран и представляет собой высший уровень организации труда. Хусто, вслед за лидерами Американской федерации труда, утверждал, что

они не ухудшают положения занятых на них трудящихся, за исключением случаев сокращения производства и уменьшения численности рабочих. С наибольшей силой монополии ущемляют интересы потребителей. Удешевление производства сопровождается не понижением, а ростом цен. «Гресты, — писал Хусто, — создаются не для службы народу, а для получения большей прибыли»⁶³. Х.Б. Хусто разделял мнение многих социалистов, что монополии создают материальные предпосылки для перехода к социализму. «По своим размерам, — отмечал он, — частная собственность на средства производства оказывается ограничена до абсурда. Тенденцией исторического развития является ее устранение и установление коллективной собственности, которая даст новую силу и энергию народам, будет регулировать технический прогресс и сделает экономические отношения столь сознательными и справедливыми, что мы, люди, станем способными к свободной кооперации»⁶⁴.

Хусто был далек от признания теории «автоматического краха капитализма». Только классовая борьба пролетариата способна положить конец капиталистической эксплуатации. Идеалом пролетариата как угнетенного класса являются свобода и равенство. Этот идеал переходит в практические действия рабочих, которые революционизируют историю. Но методы борьбы, подчеркивал Хусто, должны носить позитивный характер и не покидать почву реальности.

В этой связи профсоюзное движение, по Хусто, является первой, еще неразвитой, почти инстинктивной формой современной классовой борьбы. Оно носит экономический характер. «Это первичная реакция рабочих на стремление предпринимателей держать на низком уровне вознаграждение за труд»⁶⁵. Методом профсоюзной борьбы является забастовка. По мере роста профсоюзных организаций растет и число забастовок. Для Хусто забастовки носили позитивный характер, «когда организованные рабочие и предприниматели встречаются лицом к лицу и появляется почва для нормального взаимопонимания, результатом которого становится коллективный договор»⁶⁶. Коллективный договор, в системе взглядов Хусто, должен был развивать не только экономические способности рабочих, понимание того, что их эксплуатируют, но одновременно заставлять «предпринимателей организоваться для взаимопонимания с профсоюзами, поддерживая между

---

⁶³ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 319.

⁶⁴ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 321.

⁶⁵ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 329.

⁶⁶ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 321.

предпринимателями и наемными работниками нормальные и прогрессивные отношения». Таким образом, по мнению Хусто, «коллективный договор меняет до такой степени классовую борьбу, что можно сказать, что ее отменяет»⁶⁷.

Хусто признавал огромное историческое значение пролетарских профсоюзов. «Они материально и интеллектуально поднимают современный рабочий класс, вытаскивают его из пассивности и неосознанности»⁶⁸. Но он не преувеличивал значение забастовочной борьбы, не симпатизировал всеобщим забастовкам: «Они всегда представляя собой насильственную, разрушительную агитацию, сопровождаемую, как правило, кровавыми событиями [...] Всеобщая забастовка развивает чувства, но мало или совсем не развивает созидательные способности народов»⁶⁹.

Созидательные способности рабочих призваны были развить кооперативы. «В кооперативах, — считал Хусто, — рабочий класс не действует как наемные рабочие, а как потребители, покупатели и производители, как хозяева средств производства». Кооперативы не только поднимают уровень жизни трудящихся, освобождая их от паразитических посредников, но и развивают технико-экономические способности народа. «Свободные кооперативы, — подчеркивал Хусто, — демонстрируют, что для высшего уровня производства не нужна частная собственность на средства производства, ни другие привилегии»⁷⁰. По убеждению Хусто, «кооперативы один из методов освобождения рабочего класса, один из вариантов классовой борьбы»⁷¹.

Но решающее значение имеет политическая борьба пролетариата. Уже с развитием и централизацией профсоюзных организаций становится очевидной необходимость политических действий рабочих. Сама жизнь подводит профсоюзы к необходимости участия в политике, чтобы добиться рабочего законодательства. Для развития рабочего движения необходимы элементарные свободы: собраний, объединений, печати, которые ограничиваются буржуазными правительствами как только пролетариат начинает ими пользоваться, но пролетариат должен был научиться пользоваться политическими правами.

Хусто отвергал насильственные методы классовой борьбы. «В борьбе классов насилие то же самое, что и борьба между народами,

---

⁶⁷ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 383.*

⁶⁸ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 381.*

⁶⁹ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 436.*

⁷⁰ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 412.*

⁷¹ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 389.*

оно означает биологическое состояние войны⁷². Он осуждал Парижскую коммуну, называя ее «ужасным эпизодом современной классово-вой борьбы» и ее причины усматривал в чрезмерном преувеличении значения завоевания политической власти, «диктатуры пролетариата» и «в безразличной и враждебной другим фундаментальным действиям народа»: профсоюзной, кооперативной, парламентской. Для доказательства ненужности революции в современных условиях Хусто апеллировал к опыту первой русской революции: «С 80 млн восставших крестьян, в большинстве своем голодных, с радикальным революционным фабричным населением, со всем классом писателей, учителей, инженеров, врачей, адвокатов на стороне свободы и справедливости, с войском, подрываемым недовольством, и открыто восставшим флотом русское возмущение 1905–1906 годов не смогло свергнуть правительство». «По мере распространения и углубления исторического сознания войны между народами, как и войны между классами, — по мнению Хусто, — становятся все более редкими»⁷³.

Хусто — решительный противник самой идеи революции. Она подменяла развитие исторического сознания пролетариата верой в сверхъестественную силу диктатуры рабочих организаций, которая сразу же приводит «к социальной трансформации и сразу установит прекрасный порядок». Он отвергал марксистское понимание социальной революции. В одной из лекций перед рабочими Хусто говорил, что Маркс и Энгельс для объяснения социальной революции прибегли «к искусству метафизики [...] говоря, например, что общество трансформируется в силу своей «собственной внутренней и неизбежной диалектики» или в силу «отрицания отрицания». «Для трудящихся и для науки, — заключал Хусто, — эти формулы ничего не объясняют. Со своей стороны, я их никогда не понимал и искал другой способ объяснения»⁷⁴. Для Хусто он заключался в примерах английской и французской буржуазии, которые победили абсолютизм и остатки феодализма не потому, что они были угнетенным классом, а потому, что они были наиболее сильными и умными, обладали наибольшей экономической силой в своих странах. Таким будет, по мнению Хусто, и положение рабочего класса, который в борьбе против капиталистического угнетения добьется подъема своего положения и приобретет силу, которая позволит ему освободиться от всякого угнетения.

---

⁷² *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 432.

⁷³ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 432.

⁷⁴ *Justo J.B.* Cooperación obrera. Buenos Aires, 1917. P. 17.

Свой путь к социализму Хусто обозначил как «рабочая демократия». Увеличение политической силы рабочего класса, заявлял Хусто, создает условия для все более широкого участия рабочих в политической жизни, так как «буржуазия не способна в одиночку управлять процессом исторического развития, что доказывает безработица, банкротства, забастовки, экономические кризисы и другие разрушающие общество конфликты»⁷⁵. Проявлением этого он считал возникновение «нового исторического явления, всеобщего голосования», благодаря которому трудящиеся смогут [...] участвовать в формировании правительства и в исполнении государственной власти»⁷⁶. Признавая классовый характер буржуазного государства, Хусто вместе с тем считал, что по мере роста влияния трудящихся в экономической и политической жизни, оно будет постепенно утрачивать функцию подавления и развивать функцию управления, «поскольку данное государство будет меняться по мере участия в нем представителей рабочих»⁷⁷.

Но что дает рабочим возможность участвовать в управлении страной? Хусто полагал, что этому будет способствовать рост их сознания, понимание своего места в обществе, а развитие техники даст время для этого. Средством достижения этой цели станет всеобщее избирательное право. Оно распространит политическую власть во всех общественных классах, придав борьбе между ними наиболее разумные формы. Если, как справедливо считал Хусто, буржуазия обладает политической властью не в результате выборов и голосования, а посредством богатства и образования, то для рабочего класса путь к власти лежит через голосование. В буржуазном обществе у него лишь случайное право собственности, но его участие в политической власти и приобретение навыков управления общественными делами через кооперативы придаст праву рабочих на собственность реальный смысл.

Рабочая демократия немыслима без рабочей партии. С ее созданием политическая деятельность трудящихся приобретает новую силу для ведения на законной основе классовой борьбы для завоевания политической власти и обобществления средств производства. Рабочие партии имеют интернациональный характер и объединены в международную организацию. Рабочая демократия отлична от буржуазной. Если последняя на развалинах замков, трона и алтаря утверждала абсолютную частную собственность, то рабочая демократия ее отменяет,

---

⁷⁵ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 438.

⁷⁶ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 419.

⁷⁷ *Justo J.B.* El socialismo. Buenos Aires, 1928. P. 68-69.

как источник привилегий и угнетения.

Рабочая демократия у Хусто неразрывно связана с новым пониманием классовой борьбы, которая трактуется не как «социальная бойня», а как возможность регулировать и гармонизировать отношения между людьми. Хусто пояснял это следующим образом: «Если капиталист говорит рабочему: я разрешаю тебе работать со средствами производства, которые я присвоил для получения прибыли, то рабочий, в свою очередь, должен сказать капиталисту: ты не можешь эксплуатировать человеческие существа как только в гуманных условиях труда». Постоянной задачей рабочих партий являлось принятие рабочего законодательства с обязательным арбитражем, установление которого, как считал Хусто, возможно только рабочей демократией. В качестве примера он приводил Новую Зеландию, где по праву говорится «народ есть государство»⁷⁸.

Рабочая демократия должна бороться с монополиями. В качестве первого шага необходимо установить государственный контроль над трестами, а в дальнейшем передать их в общественные руки. В муниципальную собственность должны перейти все предприятия общественного пользования. В частной собственности не могли оставаться и железные дороги. Пример Германии убеждал Хусто, что они должны быть государственными.

В целом, по мнению Хусто, пролетариат был еще не в состоянии провести немедленное обобществление и построить политико-демократическое государство. Но необходимо было начинать это делать: добиться присутствия рабочих представителей в органах государственной власти. По мере роста их влияния администрация будет приобретать новый характер. Государственные ресурсы начнут направляться на удовлетворение общественных потребностей. Предприятия общественного пользования перестанут устанавливать монопольно высокие цены и приблизят их к себестоимости как в свободных кооперативах. Свободное от конкуренции государство должно взять под свой контроль и другие общественные институты, прежде всего школу. Без образования немыслима борьба за жизнь. Рабочая демократия должна обеспечить всем детям обязательное и бесплатное начальное образование. Необходима также налоговая реформа: отмена всех косвенных налогов и прогрессивное налогообложение собственности, прежде всего земельной.

---

⁷⁸ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 461.*

Социальное законодательство должно обеспечить минимальные потребности труда и жизни трудящихся и сопровождаться уголовным наказанием за его неисполнение. Однако Хусто был противником насильственного навязывания рабочей демократии. Необходимо добиваться взаимопонимания сторон для принятия нового порядка и достижения общественного прогресса, чтобы все сознательно и добровольно вошли в него. В новом обществе законы, по Хусто, «уважали бы в такой же степени, как техника уважает законы физики»⁷⁹.

Строительство «социального государства высшего порядка» несовместимо с сохранением церковных догм и символов: Хусто считал срочной задачей ослабление позиций церкви, разрыв ее отношений с государством, прекращение последним бюджетного финансирования религии. Антиклерикальные меры освободят ум народа, ускорят технический прогресс, сделают науку, «деятельность до сих пор редкую и чуждую повседневной жизни, регулярным занятием всех»⁸⁰. В то же время Хусто скептически относился к излишнему теоретизированию, чисто философским зачатиям. По его мнению, философией народа должен стать «бесхитростный реализм», который он понимал как «способ интуитивно видеть то, что философы презирают, не считают нужным видеть»⁸¹.

В целом Хусто с оптимизмом смотрел на будущее развитие человечества: «Мир станет менее жестоким, менее иррациональным и хаотичным по мере того, как любовь к человеку—животному будет подчинена любви к сознательному человеку». Животное начало в нем перестанет преобладать, уступив место сознательной человеческой деятельности. С ее распространением «в мире будет больше разума, больше красоты, больше доброты»⁸².

Хусто стал первым, кто рассмотрел аргентинскую историю в социально-экономических понятиях, исходя из научного метода и выделяя экономическую основу борьбы за независимость. Прежде всего ценна его методология, основанная на признании экономического фактора как главной причины Майской революции и последующих гражданских войн, который неразрывно связывается с образованием классов, частной собственности и технико—экономическим развитием колоний.

Развитие колоний и последующее образование независимой Аргентины основывалось на борьбе имущих и неимущих, угнетенных

---

⁷⁹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 472.

⁸⁰ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 488.

⁸¹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 495.

⁸² *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 498.

и угнетателей. Колониальное общество состояло из трех классов: господствующего — потомков конкистадоров, которые составляли верхушку колониального общества и имели право на собственность на землю и скот; среднего класса — мелкие собственники, земледельцы, торговцы, ремесленники, лица свободных профессий (адвокаты, нотариусы), которым доставалась небольшая часть от распределяемых богатств и которые состояли из креолов и немногих иностранцев, проживавших на Ла-Плате; неимущих — негры рабы, индейцы в энкомьендах, гаучо в сельской местности.

Хотя Законы Индий проводили различие между неграми и индейцами — первые были рабами и подлежали купле-продаже, а вторые — нет — фактическое положение индейцев мало чем отличалось от рабского, так как их заставляли бесплатно работать и не признавали за ними гражданских прав.

Особую прослойку составляли гаучо в сельской местности. Гаучо скитались, не имея ни дома, ни земли и скота, живя за счет охоты на скот. Закон преследовал их, объявляя бродягами и применяя к ним суровые наказания. На время клеймения скота гаучо нанимались в качестве поденщиков в асьенды, чтобы затем вновь исчезнуть в пампе.

Экономическая власть в колонии находилась в руках помещицкой и торговой олигархии. Собственность основывалась на средневековом праве, которое провозглашало собственность королей Испании на все завоеванное. Частная собственность появилась как результат «королевского пожалования». Сосредоточение огромных земельных площадей в руках немногих, пожалованных королем, привело к появлению латифундий. Скот находился в руках так называемых «акционеро-в-пайщиков» — привилегия, пожалованная Х. де Гараем при втором основании Буэнос-Айреса в 1580 г. первым поселенцам и их потомкам и подтвержденная кабыльдо и королем. Торговля с Испанией и появление технологии засолки мяса привели к росту цены на скот, что позволило экспортировать шкуры и солонину, положив начало развитию и росту влияния скотоводов. Такова была социальная обстановка в колонии накануне 1810 г. в интерпретации Хусто.

Говоря о социально-экономических предпосылках войны за независимость и характеризуя ее как буржуазную революцию, Хусто указывал, что владельцы земли и скота, торговая буржуазия хотели монопольно эксплуатировать богатство колонии, для чего было необходимо освободиться от власти Испании. Об их буржуазном характере свидетельствовало и постоянное противодействие увеличению зарпла-

ты⁸³. Впервые местная буржуазия обратила внимание на те ограничения, которые препятствовали развитию креольской торговли во время английского вторжения в 1806 г., когда она смогла убедиться в выгодах свободной торговли. Поэтому в соответствующий момент «достойная буржуазия» возглавила революцию в защиту своих прав.

Хусто подчеркивал, что в действительности освободительное движение преследовало цель разорвать экономические узы с Испанией и заменить испанское господство на креольское, а не установить республику или демократию. Эти прагматичные революционеры, отмечал Хусто, не мечтали ни о свободе торговли и демократии, ни о свержении династии или провозглашении конституции. Они желали экономической независимости и свободы торговли⁸⁴.

Вместе с тем Хусто далек от того, чтобы умалять прогрессивное значение Майской революции. Он признавал, что она — оставив в стороне ее буржуазный характер — имела важные последствия для народных масс. Хотя они были политически невежественными, они получили выгоды от движения за независимость. Для их привлечения в революционные армии буржуазия отменила рабство. Две трети рабов Куйо были освобождены в 1816 г. и влились в Андскую армию (многие из них погибли). Таким образом, были заложены основы для полной отмены рабства. В результате революция сделала решающий шаг к формированию рабочего класса.

По Хусто, война за независимость была славой буржуазии. Народ принимал в ней участие как исполнитель замыслов привилегированного класса, который руководил движением. Но вскоре народу пришлось бороться с ним для защиты своих интересов.

Хусто обращал внимание на те трагические последствия, которая имела революция для гаучо. По мере того, как росли в цене сельскохозяйственные продукты, и земля приобретала ценность, буржуазия начала монополизировать земли и скот, стремясь подчинить гаучо, лишив его свободы передвижения и традиционных источников существования. Гаучо не были готовы адаптироваться к новым условиям капиталистической эксплуатации. Увидев, что под угрозой находится их образ жизни, они восстали против буржуазии в защиту земли, на которой жили. Здесь лежит объяснение гражданских войн, которые опустошали Аргентину с 1815 г. Хусто характеризовал их как настоя-

---

⁸³ С этой целью они «заставляли трудящихся одеваться в грубые ткани местного производства, а не в дорогие импортные». — *Justo J.B. La realización del socialismo. Buenos Aires, 1947. P. 161.*

⁸⁴ *Justo J.B. La realización del socialismo. P. 162.*

шую борьбу классов. Гаучо — эти революционеры на конях — боролись против аристократии городов и ненавистного правительства Буэнос-Айреса. И хотя их ряды были многочисленны, гаучо не обладали экономической и политической силой. Их восстание было чисто инстинктивным, а успех мимолетным. Они боролись за сохранение статус-кво, что было невозможно и вело к экономическому застою и изоляции от остального мира.

Хусто не считал революционеров на конях предшественниками социалистической партии. От их движения ничего не осталось, даже славы. Он указывал, что гражданские войны и их результат — деспотизм, препятствовали национальному развитию Аргентины. Реформы Б. Ривадвии потерпели поражение. Неспособность к эксплуатации ферм, занятию земледелием гаучо дали дорогу, не догадываясь об этом, деспотизму, который привел к консолидации помещичьего режима. После падения диктатуры Х.М. Росаса ускорилось экономическое развитие страны.

Хусто отмечал, что в сравнительно короткий исторический период, менее чем за столетие, Аргентина осуществила изменения, на которые Европе понадобилось несколько столетий. В результате этих изменений усилилась эксплуатация рабочих, утвердилось господство буржуазии. Несмотря на то, что законодательство носило откровенно классовый характер, Хусто пришел к выводу, что классовые антагонизмы вызывают социальный прогресс.

Но возможно ли в такой аграрной стране как Аргентина существование социалистического движения? Правомерность существования социалистической партии поставили под сомнение некоторые деятели II Интернационала. Посетивший в 1908 г. Аргентину один из руководителей итальянской социалистической партии Э. Ферри, назвал ее «экзотическим цветком» на Ла-Плате, которая является не естественным результатом развития страны, а завезена иммигрантами.

Вместе с тем Ферри не отрицал роли и значения социалистической партии в политической жизни Аргентины: она единственная современная партия, имеющая программу и построенная на идейной основе, а не личной преданности тому или иному политику. «Она выполняет полезную работу и по праву заслуживает общественного одобрения [...] Но это не социализм»⁸⁵. В основе этого утверждения лежала убежденность Ферри, что без развитого капитализма, крупной промышленности и многочисленного рабочего класса невозможно суще-

---

⁸⁵ *Justo J.B.* La realización del socialismo. P. 239.

ствование социалистической партии. «Пролетариат есть продукт паровой машины. И только с пролетариатом рождается социалистическая партия, которая является этапом эволюции — первоначальной рабочей партии. В социально-экономических условиях Аргентины, добавлял Ферри, Маркс не написал бы «Капитал».

В подтверждение своих слов Ферри ссылаясь на свою родину. Так, в Южной Италии, по преимуществу аграрной, социалистическая партия крайне слаба. И, наоборот, на индустриальном Севере «она трансформировалась из рабочей в социалистическую партию, которая там очень сильна». Пример Новой Зеландии, который любил приводить Хусто, убеждал Ферри в его правоте, а не Хусто. «Там нет машинной промышленности в подлинном смысле этого слова, там существует рабочая партия, которая даже вошла в правительство, но там нет социалистической партии». Поэтому, по мнению Ферри, социалистическая партия называется «социалистической», но она ничто иное как рабочая партия в своей экономической программе и «радикальная партия» в политической, поскольку в стране отсутствует радикальная партия в европейском понимании и социалисты выполняют ее роль»⁸⁶.

В идейно-теоретическом плане партия, по мнению Ферри, также не могла называться социалистической, поскольку без требования коллективной собственности в программе называться социалистической — «это абсурд». «Я полагаю — и это всегда является живой частью марксизма, — что без коллективной собственности нет социалистической доктрины». Свое мнение Ферри подтверждал социально-экономическими реалиями Аргентины: хотя сельское хозяйство технически оснащено, страна находится на этапе аграрного развития — имеется значительный фонд общественных земель для перехода в частную собственность. Аграрии—медьерос и мелкие собственники не являются социалистами. Ими могли быть наемные работники («пены»), но они в своем большинстве несознательные и являются «ласточковыми» иммигрантами, которых невозможно организовать в социалистическую партию. Да, соглашался Ферри, в Буэнос-Айресе есть слой промышленных рабочих, но «их недостаточно, чтобы изменить характер экономических условий Аргентины, которая находится на аграрном этапе своего развития». В действительности, они тредюнионисты, которые очень отличны от социалистов»⁸⁷. Таков был итог серьезных, по словам Ферри, размышлений о соцпартии Аргентины.

---

⁸⁶ *Justo J.B.* La realización del socialismo. P. 238-239.

⁸⁷ *Justo J.B.* La realización del socialismo. P. 239.

Возражая Ферри, Хусто утверждал, что идеи аргентинских социалистов имеют корни в аргентинской истории. Он ссылаясь на Майскую революцию, чьи идеи шли от французской революции. Он рассматривал М. Морено, Б. Монтеагудо и Б. Ривадавию как предшественников социализма в Аргентине. Идеейные предпосылки для социализма получили дальнейшее развитие в период диктатуры Росаса с появлением социалистической догмы Майской ассоциации, написанной Э. Эчеверрией. Создав партию, социалисты дали стране политическую организацию, которая отстаивала постулаты социальной справедливости, изложенные этими знаменитыми аргентинцами.

Хусто опроверг и другой аргумент Ферри: отсутствие в Аргентине пролетариата. Хусто ссылаясь на последнюю главу I тома «Капитала» «Современная теория колонизации», где Маркс предвидел действия господствующего класса по быстрому созданию пролетариата в аграрных странах, наподобие Аргентины. Хусто считал забавным, что Ферри отвергал от имени ортодоксального марксизма то, что Маркс признавал, поскольку, по Марксу, пролетариат появился не вследствие промышленного переворота, а в результате разложения феодализма.

Все рассуждения Ферри, по мнению Хусто, пронизаны догматизмом. Это касалось и краеугольного камня социалистической доктрины, коллективной собственности. Конечно, соглашался Хусто, социализм немислим без общественной собственности. Но пролетариат уже сейчас необходимо готовить к «возможному коллективизму», уча его свободной кооперации и политическим действиям. Для Хусто, социализм, прежде всего, деятельность, «действия во благо трудового народа и, прежде всего, действия самих трудящихся для собственного блага». В этом заключается живая часть социализма, а не в доктринах. Они могут быть разными даже в Социалистическом Интернационале, где «существуют столь различные мнения, как наше и Ферри»⁸⁸.

Хусто был первым, кто поставил проблему типологии развития капитализма применительно к Аргентине. В программных документах социалистов Аргентина характеризовалась как капиталистическая страна — но отсталая по сравнению с другими переселенческими странами — США, Австралией, Новой Зеландией. Корни отсталости они видели в латифундизме. В отличие от других переселенческих стран, где за каждым переселенцем признавалась собственность на занятую им землю, Аргентина была страной латифундией. Здесь, как и в других латиноамериканских странах, право на земельную соб-

---

⁸⁸ *Justo J.B.* La realización del socialismo. P. 247.

ственность, полученное спекулянтами и фаворитами правительства, значило больше, чем права поселенцев. В стране существовала аграрная проблема. «Нельзя, — писал Хусто, — чтобы немногочисленный класс помещиков, удовлетворенный получением ренты с незаселенных и едва обрабатываемых латифундий, изымал их из жизни и производства целого континента»⁸⁹. Такое положение объяснялось историческими особенностями развития Аргентины.

После завоевания независимости аграрная эволюция протекала на основе так называемой систематической капиталистической колонизации, суть которой состояла не в создании класса фермеров-собственников, а пролетариата и в присвоении земли высшими классами. С этой целью доступ к земле затруднялся систематическим и искусственным повышением цены на нее. Аграрное законодательство благоприятствовало скупке земли и разнузданной спекуляции, результатом чего стало экстенсивное и кочевое земледелие, немногочисленное сельское население и его слабая ускоренность на земле. Подавляющая часть земледельцев являлась арендаторами. Аренда земли носила краткосрочный и крайне невыгодный для них характер.

Правительственная политика в области иммиграции сводилась к искусственной иммиграции и преследовала цель не заселить страну свободными фермерами — собственниками земли, а иметь в изобилии дешевую рабочую силу. Латифундия и искусственная иммиграция препятствовали демографическому, технико-экономическому и социально-политическому прогрессу страны и прямо затрагивали интересы трудящихся. «Дорогая земля и высокая рента, — отмечал один из руководителей социалистической партии Э. Дикман, — имеют своим следствием низкую зарплату, редкое и убогое население»⁹⁰.

Что же конкретно предлагали социалисты? Они выступали против экспроприации латифундий и их раздела, так как «экспроприировать латифундию — это значит заплатить за нее дорого, увеличить цену соседних латифундий и способствовать спекуляции». Вместо экспроприации латифундий они предлагали прогрессивный налог на земельную ренту и налог на большую стоимость, которая получается не в результате усилий земледельца, а всего общества. Земельная рента — это чистая привилегия и общество вправе конфисковать ее полностью или частично в свою пользу. Эти меры, по мнению социалистов, являлись настоящей панацеей против «аргентинского зла — латифун-

---

⁸⁹ *Justo J.B.* La cuestión agraria. Buenos Aires, 1917. P. 3.

⁹⁰ *Dickman E.* Inmigración y latifundio. Buenos Aires, 1915. P. 21.

дий»⁹¹. Они должны были сопровождаться освобождением от налогообложения мелких землевладельцев; возмещением арендаторам стоимости произведенных улучшений; развитием на селе кооперативного движения⁹². Аграрная программа соцпартии была нацелена на создание и развитие многочисленного класса фермеров — собственников земли. Социалисты были убеждены, что от решения аграрной проблемы зависело и политическое будущее страны, судьба демократии. Социальным результатом систематической капиталистической колонизации стало образование помещичьей олигархии, которая, разделенная на фракции, правила без участия народа, хотя внешне имела республиканский и демократический вид. Хусто называл ее также плутократией, живущей за счет повышенной эксплуатации трудящихся. В результате решения аграрной проблемы она бы исчезла и на смену олигархическому режиму пришла бы демократия. Но пока «сельская местность оставалась лугом для выпаса скота и необрабатываемых латифундий, в Аргентине не могло быть ни демократии, ни республики.

Политическому прогрессу страны, помимо существующего аграрного строя, мешала «креольская политика» — беспринципная борьба за власть между различными группировками господствующего класса. «Креольская политика» была прямым порождением латифундизма. В эстансии, где царила власть помещика и господствовали патриархальные отношения, пеоны не могли быть сознательными избирателями. Напротив, по убеждению социалистов, ферма (чакра) дает другой тип избирателя: независимого, сознательного. В нем социалисты видели надежду для аргентинской демократии: на смену «креольской политике» придут настоящие политические партии с программами, выражавшими классовые интересы своих избирателей.

Социалистическая партия не обошла вниманием и проблему зависимости страны, роли в ней иностранного капитала. В одной из своих ранних работ Хусто характеризовал Аргентину как «простую европейскую колонию, хотя и с политической независимостью»⁹³. В ряде других он доказывал зависимость страны от иностранного капитала⁹⁴. В целом, однако, осуждая конкретные проявления хозяйничанья иностранного капитала в стране, лидеры социалистов признавали его как «реальность, способствующую политическому и социальному разви-

---

⁹¹ *Dickman E.* Inmigración y latifundio. P. 22.

⁹² *Movimiento socialista y obrera.* P. 136-137.

⁹³ *Justo J.B.* Socialismo. P. 28.

⁹⁴ *Justo J.B.* La cuestión nacional. Buenos Aires, 1980. P. 82-93.

тию страны»⁹⁵.

В экономической области партия выступала за свободу торговли и отвергала протекционизм. «Для нее (рабочей партии — В.К.) внешние таможенные препоны торговле между народами носят такой же варварский характер, — писал Хусто, — как и те, что 50 лет назад препятствовали торговле провинции с провинцией. Их нельзя беречь, как только в том случае, если они необходимы для функционирования уже существующих предприятий, чье разорение нанесет вред занятым на них рабочим»⁹⁶. Социалистами не подвергалась сомнению агроэкспортная модель аргентинской экономики, которая, по их мнению, отвечала интересам страны, обеспечивая ей внешний рынок. Она была также в интересах трудящихся, давая им возможность покупать промышленные товары по более низким ценам, чем те, по которым они производились бы в стране. В международном разделении труда, согласно этой концепции, Аргентина оставалась аграрной страной.

Как же социалистическая партия намеревалась получить представительство в национальном конгрессе, если в стране не было свободных выборов. Социалисты, в отличие от радикалов, не выдвигали в качестве предварительного условия для участия в выборах требование демократизации избирательной системы. С момента образования в 1896 г. соцпартия принимала участие во всех фальсифицированных выборах, рассматривая избирательный процесс как школу гражданственности, где народу даются понятия о его правах, а сама партия приобретает практические навыки работы с избирателями⁹⁷.

Социалисты считали, что получив, таким образом, политическое образование, трудящиеся в конце концов положат конец «креольской политике». В этом заключалось коренное расхождение социалистов с радикалами. Если для радикалов главным препятствием для демократизации был олигархический режим, то для социалистов — «креольская политика». В глазах социалистов ее олицетворением была не только олигархия, но и радикальная партия. Не случайно, поэтому социалистическая партия осудила восстание радикалов (1905). В своем заявлении она квалифицировала их как партию без программы и морали, которая своими действиями затрудняет «политическое возрождение» и подчеркнула, что трудящиеся, организованные в политическую партию, должны держаться подальше от этих раздоров, спрово-

---

⁹⁵ Цит. по: *Walter J.B.* The socialist party of Argentina. Austin (Tex). 1977. P. 117.

⁹⁶ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 465.

⁹⁷ *Movimiento socialista y obrero.* P. 35-36.

цированных чрезмерной жадной власти и низменными амбициями»⁹⁸. Тем самым рабочая партия исключалась из борьбы вместе с радикалами за решение общенациональной проблемы: установление в Аргентине политической демократии.

СПА И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЕ

С начала XX в. пролетариат становится все более важным фактором в политической жизни страны. В мае 1901 г. на съезде 35 профсоюзов была создана Рабочая федерация Аргентины (ФОА) при участии как анархистов во главе с П. Гори и Э. Маттеи, так и социалистов во главе с Ф. Кунео и А. Патрони на основе «полной автономии и независимости от социалистической партии и анархизма»⁹⁹.

Главные решения съезда носили компромиссный характер. Съезд признал всеобщую забастовку высшей формой экономической борьбы между трудом и капиталом и необходимость ее пропаганды среди рабочих «как вызов господствующей буржуазии, когда забастовка демонстрирует возможность успешной борьбы»¹⁰⁰. Анархисты выступили против предложения социалистов добиваться принятия рабочего законодательства и арбитража. Свой отказ они мотивировали тем, что только «организованная и сознательная борьба рабочих даст им права, а закон лишь санкционирует то, что уже завоевано». В результате съезд постановил, что «только от солидарности трудящихся необходимо ждать завоевания ими прав, но в отдельных случаях решение экономических конфликтов между трудом и капиталом передается на рассмотрение арбитража». В вопросе рабочего законодательства восторжествовала точка зрения анархистов. Съезд постановил, что «закон всегда принимается в пользу капиталистов и от его исполнения можно уклониться и рабочим нужно полагаться на свою сознательность и единство, отвергая обращение к государственной власти для получения любого улучшения»¹⁰¹.

Период, последовавший за созданием ФОА, был насыщен забастовками. В ноябре 1902 г. забастовали рабочие Центрального рынка Буэнос-Айреса, которые требовали 9-часового рабочего дня, повышения ежедневной зарплаты и признания хозяевами своего профсоюзы.

---

⁹⁸ Цит. по: *Cuneo D. Justo y los luchas sociales en la Argentina*. P. 287.

⁹⁹ *Movimiento socialista y obrero*. P. 141; *López A. Historia del movimiento social y la clase obrera argentina*. Buenos Aires, 1971. P. 132-133.

¹⁰⁰ *Movimiento socialista y obrero*. P. 141.

¹⁰¹ *Movimiento socialista y obrero*. P. 142.

В их поддержку выступили трамвайщики столицы. Вскоре забастовку объявили все профсоюзы Буэнос-Айреса.

В ответ на всеобщую забастовку правительство ввело осадное положение, а национальный конгресс принял закон о местожительстве, который предоставлял правительству право высылки из страны «любого иностранца, чье поведение угрожает национальной безопасности или нарушает общественный порядок»¹⁰². Власти закрыли рабочие газеты, сотни активистов были высланы из страны. Рабочие ответили всеобщей забастовкой, которая продолжалась 4 дня и закончилась из-за жестоких преследований властей. Забастовка продемонстрировала серьезные расхождения между анархистами и социалистами. Поддержав требования рабочих Центрального рынка, исполком социалистической партии высказался против забастовок солидарности¹⁰³.

Профсоюзы, поддерживавшие политику социалистической партии, вышли из ФОА и основали в марте 1903 г. Всеобщий союз трудящихся (УХТ). Новое профобъединение, насчитывавшее 7100 членов, выступило против закона о местожительстве, являвшегося произволом господствующего класса, и обвинило ФОА в том, что она своими авантюристическими действиями способствует этому произволу. УХТ признавал важность забастовочной борьбы, но только при условии тщательной подготовки, позволявшей рассчитывать на успех. В отличие от анархистов он призывал рабочих «участвовать в политической борьбе, отдавая свои голоса партиям, в программах которых содержатся требования рабочего законодательства»¹⁰⁴.

После выхода социалистов ФОА окончательно перешла на позиции анархистов. В 1905 г. она была переименована в ФОРА — Региональную федерацию рабочих Аргентины, насчитывала 33,8 тыс членов и строила свою деятельность на принципах анархизма. «Наша федерация, — говорилось в программе, — носит исключительно экономический характер. Она отлична и противоположна всем политическим рабочим партиям. Если последние созданы для завоевания политической власти, то мы — для ее упразднения, создавая на ее месте свободную Федерацию свободных производителей»¹⁰⁵.

Несмотря на раскол, рабочий класс продолжал борьбу за свои права. В 1904 г. состоялись крупные забастовки железнодорожников

---

¹⁰² Congreso nacional. Diario de sesiones de la cámara de diputados. 1902. Buenos Aires, 1930. Т. II. P. 1227-1228.

¹⁰³ Oddone J. Historia del socialismo argentino. Т. II. P. 15.

¹⁰⁴ Movimiento socialista y obrero. P. 151.

¹⁰⁵ Santillian D.A. La FORA: Ideología y trayectoria. Buenos Aires, 1971. P. 120.

страны, продавцов и пекарей в Росарио. Эти забастовки, а также первомайская демонстрация анархистов были жестоко подавлены полицией и войсками. В ответ на репрессии властей 1–2 декабря ФОРА объявила всеобщую забастовку, к которой присоединились социалистическая партия и УХТ.

В 1906 г. социалистическая партия потеряла влияние в УХТ, руководство которой перешло к синдикалистам, которые требовали от руководства партии «подчинить парламентскую деятельность революционной борьбе»¹⁰⁶. Синдикалистское большинство в УХТ оказалось меньшинством в самой партии и на VII съезде в 1906 г. они были исключены из социалистической партии. С этого времени УХТ выступал за всеобщую стачку как наиболее эффективное оружие борьбы. Сближение позиций ФОРА и УХТ привело в 1907 г. к попытке их объединения. Однако объединительный съезд закончился безрезультатно из-за позиции анархистов, которые стремились навязать профсоюзному движению свои принципы. В забастовочной борьбе оба профцентра выступали единым фронтом. Все чаще забастовщики наряду с экономическими требованиями выдвигали требования отмены «закона о местожительстве» и прекращение правительственных репрессий.

Кульминацией стачечной борьбы стала всеобщая забастовка, проведенная с 3 по 8 мая 1909 г. («Майская неделя»), которая явилась ответом рабочего класса на политику террора правящего режима. Накануне в очередной раз была расстреляна первомайская демонстрация. Забастовщики, общая численность которых в Буэнос-Айресе составила 220 тыс. человек, требовали освобождения арестованных товарищей и свободы профсоюзной деятельности. Правительство было вынуждено принять их требования. Положение в стране вновь обострилось в связи с убийством анархистом С. Радовитским начальника полиции Буэнос-Айреса. Х.К. Фалькона, виновного в расстреле манифестантов и забастовщиков. Правительство ответило новыми репрессиями и принятием закона «О защите общества», который не разрешал въезд в страну всех нежелательных для властей лиц и запрещением деятельности анархистских организаций¹⁰⁷.

Закон «О защите общества» ознаменовал период разгрома движения анархистов, после чего их влияние в профсоюзах стало падать. В 1909 г. была создана Региональная рабочая конфедерация Аргентины (КОРА) на основе объединения УХТ и автономных профсоюзов,

---

¹⁰⁶ Godio J. Historia del movimiento obrero argentina. P. 250.

¹⁰⁷ Diputados 1910. Buenos Aires, 1910. Т. II. P. 784-787.

которые в 195 г. вошли в ФОРА. В том же году большинство профсоюзов, входивших в ФОРА, отказалось от принципов анархистского анархизма. Но и социалисты потеряли влияние в рабочем движении, на это были как объективные, так и субъективные причины. На рабочем движении отрицательно сказались раздробленность пролетариата по мелким предприятиям и неоднородность его национального состава. Это затрудняло деятельность социалистов, которые выполнение рабочих требований мыслили через общую демократизацию государства и общества, на пути политической борьбы. Но такое положение рабочего класса благоприятствовало агитации анархистов, а затем и синдикалистов. Анархисты, будучи противниками любой формы государственности, рассматривали политическую деятельность как «игру внутри границ власти». Она была «делом» буржуазии и потому чуждой эксплуатируемым.

Анархисты утверждали, то «дело» трудящихся состояло не в изучении чуждого для них «дела» буржуазии, а в развитии собственного, в формировании профсоюзов, ведущих рабочих на всеобщую забастовку с целью разрушения государства и экономического освобождения трудящихся. Хотя анархисты и говорили о пролетариате, в действительности они растворяли эту категорию в эксплуатируемой массе: от промышленных рабочих до люмпен-пролетариата. Для анархистов единственными границами в мире были границы, разделявшие бедных и богатых, а национальные знамена — тряпками. Тактика анархистов скрывала под «антиэтатизмом» линию экономизма. Но этот экономизм нес в себе для рабочих ясный и привлекательный ответ иммигрантам, которые не были заинтересованы в политических вопросах, но через профсоюзы противостояли эксплуатации.

Социально-экономическое положение рабочих-иммигрантов — жизнь в конвентильо, работа от зари до зари за мизерную плату — создавало благоприятную почву для радикальной альтернативы анархистов. Отвержение иммигрантами существующего порядка находило в анархизме простой, но удовлетворительный ответ: главными виновниками были хозяева и государство. Для иммигранта-рабочего политика была делом эксплуататоров, недоступным для необразованного трудящегося. Лозунг анархистов: «Ни Бога, ни Родины, ни хозяев» отвечал наиболее элементарным требованиям и ожиданиям рабочих.

Синдикалистов роднила с анархистами убежденность, что не политические партии, а профсоюзы должны возглавлять борьбу рабочих. Как и анархисты, главным орудием этой борьбы они считали забастовку.

ставку. Но в отличие от анархистов, они не требовали «идейной определенности» профсоюзов. Напротив, синдикалисты стремились объединить в профсоюзы всех рабочих, независимо от идеологии. Синдикализм стал реакцией на недостаточность исключительно экономической борьбы, которую вели анархисты. Если последние отрицали политическую борьбу, то синдикалисты ее признавали и выступали за политическую забастовку, говоря о «революционном насилии». Но в отличие от социалистов, политика не была для синдикалистов главной сферой деятельности. Таковой по-прежнему оставалась экономика. Именно здесь, по их мнению, достигались главные завоевания рабочего класса. Такая позиция синдикалистов находила поддержку в рабочих массах, мало политизированных, но заинтересованных в организации для борьбы за свои непосредственные интересы.

Одновременно с усилением анархо-синдикализма в рабочем движении шло ослабление связей социалистической партии с профсоюзами. Это стало прямым следствием роста реформизма. Уже на II-ом съезде из Декларации принципов было изъято положение о приходе пролетариата к власти революционным путем. Обосновывая этот шаг, Хусто заявил, что «для трудящихся [...] существует возможность прихода к власти путем использования политических прав. На VI-ом съезде руководство партии объявило о несвоевременности революционной политической борьбы рабочих¹⁰⁸. С изменением программных установок менялась и политика социалистической партии в отношении рабочего движения. На первых порах социалисты играли заметную роль в рабочем движении Аргентины. Они внесли свой вклад в пробуждение классового сознания рабочих и их организацию путем создания социалистической печати, а также организовывая лекции для рабочих. В 1898 г. Хусто впервые перевел на испанский язык I том «Капитала» К. Маркса.

Усиление реформатских тенденций в партии отталкивало от нее многих активных рабочих, усиливало представление о политической деятельности как о деятельности реформистской. Социалистическая партия почти никогда не выступала в качестве инициатора стачечной борьбы. В лучшем случае она поддерживала забастовки, которые проводили анархисты. Такая политика партии вела к разрыву между экономической и политической борьбой пролетариата.

В глазах общественного мнения социалисты заявляли о себе как

---

¹⁰⁸ Ермолаев В.И. Из истории рабочего и коммунистического движения С. 54.

о партии демократических реформ, а не революции. В этой связи характерен манифест, с которым исполком партии обратился к «народу, трудящимся и гражданам» по поводу трагических событий Майской недели», в котором осудил как «насилие сверху», так и «насилие снизу» и подтвердил свою приверженность конституционным методам политической деятельности: «Мы защищаем конституцию, так как хотим пользоваться всеми гражданскими правами. Мы не признаем насилие сверху, которое дает пищу другому насилию» и которое, «сея в народе скептицизм и пренебрежение к закону, препятствует развитию нашей мирной и плодотворной деятельности, направленной на обучение и исполнение (народом — В.К.) политических прав»¹⁰⁹.

По мере потери социалистической партией связей с рабочим классом, ее социальной опорой становился своеобразный блок части рабочих и городских средних слоев, видевших в деятельности социалистов протест против олигархического режима. Увеличение количества партийных организаций и численности партии — с 19 в 1896 г. до 60 в 1912 г. и с 8912 чел в 1902 г. до 11616 в 1911 г. — происходило на основе этого социального блока¹¹⁰.

Параллельно с рабочим движением в городах началась борьба сельских трудящихся против произвола латифундистов. В 1912 году в стране развернулось широкое аграрное движение, получившее название «Клич Алькорты». 20 июня в местечке Алькорты (провинция Санта-Фе) на собрании земледельцев и мелких торговцев обсуждалась необходимость организации аграриев с целью добиться снижения арендной платы и свободной продажи урожая. 25 июня состоялся массовый митинг земледельцев, на котором присутствовали делегаты от основных сельскохозяйственных районов, где было решено объявить забастовку под лозунгами: «Долой рабские контракты!», «Долой высокую арендную плату!» Движение явилось протестом фермеров-арендаторов против системы землепользования, которая обогащала владельцев земли и связанные с ними иностранные компании.

Аграрное движение получило поддержку социалистической партии. Социалисты оказали всемерную помощь «Кличу Алькорты». Они развернули антилатифундистскую кампанию в партийной прессе, провели в Буэнос-Айресе ряд митингов солидарности с чакарерос.

В июле 1912 г. Хусто по приглашению руководителя забастовки Ф. Нетри посетил зону конфликта и выступил перед чакарерос с разъ-

¹⁰⁹ Movimiento socialista y obrero. P. 201-202.

¹¹⁰ Oddone J. Historia del socialismo argentino. T. II. P. 208.

яснением позиции социалистической партии в аграрном вопросе. Он сказал, что развернувшиеся события подтверждают то, о чем социалисты уже давно говорили: аргентинская политика должна перестать быть междоусобной борьбой различных камарилей и превратиться в борьбу общественных классов за свои интересы. Он с удовлетворением констатировал, что классовая борьба, которая до сих пор шла в городах между трудом и капиталом, началась и в деревне между арендаторами и землевладельцами.

Хусто подчеркнул, что только одна социалистическая партия защищает интересы сельских тружеников и намерена добиваться в национальном конгрессе принятия законодательства в защиту их интересов. Для освобождения от различных форм эксплуатации Хусто призвал чакарерос организовывать кооперативы: «Потребительские кооперативы, чтобы освободиться от торговцев; заготовительные кооперативы, чтобы освободиться от скупщиков; кооперативы взаимной помощи от стихийных бедствий; арендные кооперативы совместно с латифундиями для их раздела на фермы и передачи пайщикам»¹¹¹.

Позиция социалистической партии в отношении «Клича Алькорты» была единственным случаем в ее политической практике сочетания внепарламентских и парламентских методов борьбы. Начав в 1912 г. парламентскую деятельность, депутаты-социалисты Хусто и А. Паласиос были единственными, кто потребовали рассмотреть события, связанные с аграрным движением в аргентинском конгрессе. 2 июля, через неделю после начала забастовки, они обратились с запросом к министру сельского хозяйства и одновременно потребовали прекращения репрессий против забастовщиков¹¹².

На состоявшемся заседании министр Мухико признал «несовершенство экономической системы сельского хозяйства и неустойчивое положение земледельцев», одновременно обвинив «агитаторов, подстрекающих к пересмотру условий контрактов»¹¹³. По замечанию Хусто, «[...] выступление министра сельского хозяйства не раскрыло ни существа проблемы, ни путей ее решения»¹¹⁴. Он обвинил министров сельского хозяйства и внутренних дел в стремлении «разрешить аграрный конфликт полицейскими методами»¹¹⁵. Вместе с тем он под-

---

¹¹¹ *Grela P. El grito de Alcorta. Rosario, 1958. P. 263.*

¹¹² *Diputados. 1912. T. I. P. 742-743.*

¹¹³ *Diputados. 1912. T. I. P. 886-887.*

¹¹⁴ *Diputados. 1912. T. I. P. 901.*

¹¹⁵ *Diputados. 1912. T. I. P. 904.*

черкнул, что забастовка чакарерос являлась признаком роста их классового самосознания и новым фактором в аргентинской политике¹¹⁶.

Под угрозой потери урожая латифундисты пошли на переговоры. Поддержав идею переговоров, социалисты советовали руководителям движения не проявлять чрезмерной уступчивости. Хусто в письме к Нетри настаивал на снижении арендной платы до 25% урожая, тогда как комиссия правительства Санта-Фе предлагала 30%¹¹⁷.

Чакарерос добились снижения арендной платы до 28%; свободной продажи своей продукции; пользоваться не принадлежавшей землевладельцу сельскохозяйственной техникой. В ходе забастовки была создана Аргентинская аграрная федерация, объединившая мелких и средних аграриев¹¹⁸.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПА.

Принятие национальным конгрессом в феврале 1912 г. закона о всеобщем избирательном праве при обязательном и тайном голосовании и представительстве меньшинства позволили социалистам провести в палату депутатов своих представителей — Хусто и А. Паласиоса. Депутаты-социалисты пришли в парламент для защиты интересов трудящихся в рамках закона. Как сказал Паласиос: «Наша деятельность направлена на пробуждение в народе сознания его исторических целей и на подготовку постоянного прогресса народа. Мы всегда действуем в рамках конституции, потому что именно в них и в законодательной деятельности видим гарантии улучшения жизни трудящихся и потому, что сознаем бесплодность ничего не создающего и препятствующего нашей мирной деятельности насилия»¹¹⁹.

Парламентская деятельность социалистов по защите интересов трудящихся принесла им успех на последующих выборах, позволив увеличить представительство в палате до 9 депутатов и получить одно место в сенате. Проблеме выборов уделялось особое внимание. Как отметил Паласиос, она «является главнейшей для социалистической партии, так как лишь через выборы в конгресс социалисты могут реализовать свою программу»¹²⁰. В центре внимания продолжала оста-

---

¹¹⁶ Diputados. 1912. T. I. P. 902.

¹¹⁷ Grela P. El grito de Alcorta. P. 155-156.

¹¹⁸ Grela P. El grito de Alcorta. P. 18, 68-83, 419-440.

¹¹⁹ Diputados. 1912. T. I. P. 27.

¹²⁰ Diputados. 1912. T. I. P. 63.

ваться демократизация политической системы. Разбирая результаты выборов в провинции Буэнос-Айрес, депутаты–социалисты разоблачили нарушение законности: подлоги, подкуп, давление на избирателей и вмешательство властей. Но уже вскоре они констатировали успехи демократизации. Результаты выборов 1913 и 1914 гг. показали, что быстрыми темпами «идет трансформация политической жизни от «старой креольской политики» к новой институциональной жизни, где камарильи уже не будут вершить судьбы нации»¹²¹. Однако борьба не сводилась лишь к демократизации выборов. «Выборы и избирательные кампании, — заявил Хусто, — это узкое понимание политики»¹²². Социалисты считали гарантией свободного волеизъявления граждан широкое участие трудящихся в избирательном процессе, а для этого, по их справедливому заключению, необходима борьба против антирабочего законодательства, за создание условий для свободной деятельности профсоюзов. Прежде всего, социалисты требовали изменения «закона о местожительстве»: высылка из страны «нежелательных иностранцев» должна перейти от исполнительной власти к судебным органам, чтобы обеспечить гласный и демократический характер разбирательства»¹²³. Одновременно социалисты добивались «легализации рабочих организаций». С этой целью они внесли законопроект «Об ассоциациях трудящихся», где речь шла о профсоюзах для борьбы рабочих с хозяевами за выгодные условия продажи рабочей силы, за улучшение условий труда и жизни рабочих¹²⁴.

Все законодательные инициативы социалистов преследовали цель вовлечь рабочий класс в политическую борьбу. Как разъяснял Хусто, цель социалистов «всячески содействовать расширению политической борьбы рабочего класса и его участию в процессе демократизации политической жизни», для того, чтобы «включить рабочий класс в государство, бескровно завоевать власть»¹²⁵. Для завоевания государства изнутри и наполнения его новым содержанием рабочий класс должен стать, по словам Хусто, «политически и, главное, экономически [...] самым мощным классом аргентинского общества»¹²⁶.

Социалисты стремились использовать малейший шанс для принятия трудового законодательства, «бомбардируя» конгресс серией за-

---

¹²¹ Diputados. 1913. Т. I. P. 77.

¹²² Diputados. 1912. Т. I. P. 85-88.

¹²³ Diputados. 1912. Т. I. P. 284-285.

¹²⁴ Diputados. 1912. Т. I. P. 309.

¹²⁵ Diputados. 1912. Т. I. P. 310-311.

¹²⁶ *Justo J.B.* La cooperación obrera. P. 18, 20-21.

конопроектов, содержащие основные требования рабочих: введение восьмичасового рабочего дня, повышение зарплаты, улучшение условий труда. В то же время они искали себе поддержку и в непролетарских слоях. С этой целью социалисты предложили законопроект «Об изменении закона о патентах»¹²⁷.

Наряду с принятием рабочего законодательства социалисты стремились решить проблему дороговизны и высоких налогов, которые съедали значительную часть зарплаты рабочих. Ключ к их решению виделся в реформе федерального бюджета: увеличить расходы на нужды трудящихся и снизить расходы на армию и полицию. Оправдывая эти меры, Хусто говорил: «Бюджетные средства есть деньги, отнятые у народа путем налогов и пошлин, которые делают дороже жилище, питание, одежду»¹²⁸. Социалисты настояли на постатейном обсуждении бюджета. «Новым явлением в обсуждении бюджета палатой депутатов, — заявил Хусто, — можно назвать участие в нем депутатов-социалистов, которые защищают народные интересы. Хотят сказать правду о каждом пункте бюджета»¹²⁹.

Помимо прочего, своими законодательными инициативами социалисты стремились «побудить государство расширить свою административную деятельность в пользу трудящихся», поскольку это «наиболее эффективный и безболезненный способ решения социальных проблем»¹³⁰. Новым моментом в парламентской деятельности социалистов стала попытка сочетания защиты интересов трудящихся с содействием развитию промышленности, чтобы предприниматели повышали эффективность производства не за счет трудящихся, а за счет более разумной организации труда и внедрения технических новшеств, «гарантируя себе таким образом прибыль, на которую они имеют полное право»¹³¹.

Для решения аграрной проблемы парламентская фракция социалистов предложила законопроект «Об аграрной колонизации», суть которого заключалась в скупке государством частных земель и раздел их на участки, размер которых варьировался в зависимости от плодородия и расположения земли. 20% стоимости должны были выплатить при получении надела, а 80% платились в рассрочку при 8% годовых.

---

¹²⁷ Diputados. 1913. Т. I. P. 856, 857; Т. III. P. 895-896.

¹²⁸ Diputados. 1912. Т. I. P. 715.

¹²⁹ Diputados. 1913. Т. I. P. 178.

¹³⁰ Diputados. 1914. Т. III. P. 398.

¹³¹ Diputados. 1914. Т. I. P. 607.

Для стабильного хозяйствования фермеров предусматривалась неотчуждаемость надела, меры против спекуляции и снижение риска в случае неурожая¹³². Помимо этого, социалисты предлагали увеличить налогообложение латифундий; обязать собственников оплачивать арендаторам произведенные ими улучшения и увеличить минимальный срок аренды до 5–7 лет. В обоснование своих предложений социалисты ссылались на требования ААФ¹³³.

Первая мировая война привела к размежеванию внутри социалистической партии на сторонников и противников войны. Первоначально партия выступала против войны. Но постепенно, особенно после вступления США в войну, верх взяли сторонники вступления Аргентины в войну. Такая позиция руководства партии и парламентской фракции вызвала протест членов партии и исполком вынужден был созвать в апреле 1917 г. третий чрезвычайный съезд партии, на котором позиция руководства не получила поддержки. Несмотря на это, парламентская фракция внесла в конгресс резолюцию о разрыве дипломатических отношений с Германией¹³⁴, что привело к расколу социалистической партии. Левое крыло образовало в январе 1918 г. новую интернационально–социалистическую партию, с 1920 г. — коммунистическую партию.

ЛИТЕРАТУРА

- Ермолаев В.И.* Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М.: Мысль, 1982.
- Искарро Р.* Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и развитие. М., 1978.
- Очерки истории Аргентины. М., 1961.
- Cúneo D.* Justo y las luchas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1956.
- Dickman E.* Inmigración y latifundio. Buenos Aires, 1915.
- Dorfman A.* Historia de la industria argentina. Buenos Aires, 1970.
- Godio J.* Historia del movimiento obrero argentino. Buenos Aires, 1973.
- Grela P.* El grito de Alcorta. Rosario, 1958.
- Justo J.B.* Cooperación obrera. Buenos Aires, 1917.
- Justo J.B.* El socialismo. Buenos Aires, 1928.
- Justo J.B.* La cuestión agraria. Buenos Aires, 1917.

---

¹³² Diputados. 1916. Т. IV. P. 2850-2853.

¹³³ Diputados. 1917. Т. I. P. 247-248.

¹³⁴ Diputados. 1917. Т. V. P. 29-30.

- Justo J.B.* La cuestión nacional. Buenos Aires, 1980.
- Justo J.B.* La realización del socialismo. Buenos Aires, 1947.
- Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. Buenos Aires, 1909.
- Lallemant G.A.* La clase obrera y el nacimiento del marxismo en la Argentina. Buenos Aires, 1974.
- López A.* Historia del movimiento social y la clase obrera argentina. Buenos Aires, 1971.
- L.V. La revolución del 90. Buenos Aires, 1948.
- Movimiento socialista y obrero. Buenos Aires, 1910.
- Oddone J.* Historia del socialismo argentino. T. 1–2. Buenos Aires, 1934.
- Ortiz R.M.* Historia económica de la Argentina. 1850–1930. Vol. 1–2. Buenos Aires, 1955
- Panettieri J.* Los trabajadores en tiempos de la inmigración masiva en Argentina 1870–1910. Buenos Aires, 1966.
- Paso L.* Historia del origen de los partidos políticos en la Argentina. Buenos Aires, 1974.
- Puigros R.* Antecedentes de la crisis nacional de 1890 // Cursos y conferencias. Vol. XVI. Año IX, octubre – noviembre de 1940.
- Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. Córdoba, 1970.
- Santillan D.A.* La FORA: Ideología y trayectoria. Buenos Aires, 1971.
- Walter J.B.* The socialist party of Argentina. Austin (Tex), 1977.